

Российское психологическое зарубежье

Межличностные установки выходцев из Советского Союза: исследование с помощью полупроективной методики¹

Ганфман Евгения
Университет Брендайса, США

Гетцельс Джейкоб
Университет Чикаго, США

Аннотация. Представляется перевод статьи Евгении Моисеевны Ганфман (1905-1983), русско-американского психолога, эмигрировавшей из Советской России в 1920 г., и Джейкоба Гетцельса (1912-2001), польско-американского психолога, под названием «Межличностные установки выходцев из Советского Союза: исследование с помощью полупроективной методики» («Interpersonal attitudes of former Soviet citizens, as studied by a semi-projective method»), опубликованной в 1955 г. и посвященной исследованию межличностных установок выходцев из Советского Союза. По результатам исследования были выявлены психологические особенности русских эмигрантов, проявляющиеся в ситуациях межличностного взаимодействия, конфликта, решения групповых задач, а также демонстрируются советские психологические установки, возникающие под влиянием советских условий взаимодействия и тоталитарного режима.

Ключевые слова: перевод, Ганфман, Гетцельс, экспериментальное исследование, выходцы из Советского Союза, эмиграция, эмигранты, межличностные установки, советские условия, тоталитарный режим, результаты, оценка, эмпатия, поведение, Тест эпизодов, Инсайт-тест, Гарвардский проект

Interpersonal attitudes of Former Soviet Citizens, as Studied by a Semi-Projective Method

¹ Переводчик и публикатор – А.А. Костригин. Перевод с: Hanfmann E., Getzels J.W. Interpersonal attitudes of former Soviet citizens, as studied by a semi-projective method // Psychological Monograph: General and Applied. 1955. Vol. 69. № 4. P. 1-37.

Hanfmann Eugenia
Brandeis University, USA

Getzels Jacob
University of Chicago, USA

Abstract. The article presents a translation of the article by Eugenia Moiseevna Hanfmann (1905-1983), a Russian-American psychologist who emigrated from Soviet Russia in 1920, and Jacob Getzels, a Polish-American psychologist, entitled "Interpersonal attitudes of former Soviet citizens, as studied by a semi-projective method", published in 1955 and devoted to the study of interpersonal attitudes of former Soviet Russians. The results show the psychological features of Russian emigrants revealed in situations of interpersonal interaction, conflict, solving group problems, as well as the Soviet psychological attitudes arising under the influence of Soviet conditions of interaction and the totalitarian regime.

Keywords: translation, Hanfmann, Getzels, experimental research, former Soviet citizens, emigration, emigrants, interpersonal attitudes, Soviet conditions, totalitarian regime, outcomes, evaluation, empathy, behavior, Episodes Test, Insight-test, Harvard project

В ходе изучения личностных особенностей и паттернов поведения бывших советских граждан в рамках Гарвардского проекта по советской социальной системе мы считали необходимым распространить исследование и на область межличностных отношений. Если существуют типичные личностные паттерны у выходцев из Советского Союза, и если мотивы и установки, которые влияют на их поведение по отношению к другим, будут важными компонентами таких моделей, то их разъяснение было бы ценным для понимания общей структуры личности. Следовательно, мы решили включить в нашу батарею клинических испытаний систему, ориентированную конкретно на область межличностных отношений и установок.

Метод, который мы выбрали и который мы назвали «Тест эпизодов», базируется на адаптации «Инсайт-теста» Сарджент [Helen Sargent's "The insight test" – прим А.К.]. В каждом эпизоде испытуемому представляется краткое словесное описание межличностной ситуации, и его просят описать вероятное развитие ситуации и результат. Используемые ситуации являлись довольно обыденными, но достаточно интересными для наших испытуемых, что побудило их к серьезным попыткам выработки реалистичных решений. Методика, используемая нами, может считаться полупроективной. Она обращается к уровню реалистичного, целенаправленного действия, а не к

фантазии, и предъявляет материал, который не слишком удален от сознательного отношения испытуемого и от его явного поведения.

Наш список «эпизодов», разработанных после некоторых проб, состоял из десяти наименований; пять из них относятся к семейным ситуациям, другие пять - в основном, к внесемейным ситуациям, возникающим в рабочем процессе. Ответы для каждого «эпизода», полученные от русских испытуемых, сравнивались с ответами, данными релевантной американской выборкой. Данная статья рассматривает сравнения, сделанные по пяти внесемейным эпизодам; анализ семейных эпизодов будет представлен в другом месте.

Описание выборки

Русская выборка состояла из 41 мужчины и 10 женщин, которые были отобраны для интенсивного клинического исследования из значительного числа советских эмигрантов, которые были опрошены в Мюнхене зимой 1950-1951 гг. в рамках Гарвардского проекта. В этой группе из 51 испытуемого примерно две трети покинули Советский Союз не по своей воле: они были либо военными, либо заключенными, либо гражданскими лицами, насильственно депортированными в Германию во время войны для работы. Их основной причиной отказа от возвращения в Советский Союз после войны был страх перед репрессиями, которые ожидали тех, чья приверженность и надежность подвергнуты сомнению длительным пребыванием в капиталистической стране. Оставшаяся треть наших испытуемых покинула страну по своей воле, большинство из которых уклонилось от русской оккупационной армии.

Мы можем с уверенностью предположить, даже в отсутствие официальной советской статистики, что наша группа нерезидентов включала в себя более высокую долю людей, которые пострадали от репрессивных мер режима, по сравнению с той, которая присутствует среди всего советского населения: запись о тюремном заключении или «неправильное» так называемое происхождение (например, потомок дореволюционной интеллигенции или сын зажиточного крестьянина, лишеного прав собственности во время коллективизации) являлись бы весомым аргументом против риска возвращения после периода принудительного пребывания в Германии. Однако, во всех остальных отношениях группа невозвращенцев, из которых была составлена наша выборка, не может считаться особенно нетипичной: она включает в себя широкий спектр возрастов, все социальные классы и высокую долю людей, которые были хорошо приспособлены к жизни в своей родной стране и которые никогда бы ее не оставили, если бы не случилась война.

Выбирая из этой группы меньшую выборку для интенсивного исследования, мы сконцентрировали свой интерес на возрастной шкале от 20 до 40 лет, т.е. на тех, чье детство или, по крайней мере, подростковый возраст, выпало на послереволюционный период. Две трети (34) наших испытуемых были в возрасте 21-33; 11 – в возрастной группе 34-43; у оставшихся шестерых возраст был в промежутке между 45-55 годами. Более половины нашей выборки (30 испытуемых) были специалистами или служащими в Советском Союзе. Остальные были рабочими, квалифицированными и неквалифицированными; многие из них были крестьянского происхождения, хотя только 4 испытуемых идентифицировали себя как крестьяне. Почти две трети мужчин служили в армии, и 7 из них были профессиональными военными. 6 из наших испытуемых имели от 1 до 4 лет обучения, 11 – 5-8 лет, 19 – 9-12 лет, а 15 – 13 лет или более, т.е. эквивалент образования в колледже или университете. Партийная принадлежность в нашей группе была довольно высокой: 10% испытуемых были членами партии, 30% состояли в комсомоле (Коммунистическая молодежная организация).

Американская выборка была сопоставлена с русской с точки зрения возраста, пола, уровня образования и профессиональной группы. Общий образовательный уровень был несколько выше, чем в русской выборке. В обеих группах участие в опросе и тестировании было добровольным, и испытуемым оплатили их время. Для русских испытуемых были приняты меры, позволяющие им сохранять свою анонимность, поскольку многие из них боялись подвергнуть опасности себя или своих родственников в Советском Союзе участием в проекте.

Представляя результаты, полученные при исследовании двух национальных групп, мы не будем пытаться разделять их по возрасту, социальному классу и т.д., т.к. наши цифры слишком малы для таких сравнений. Данные для женщин были сведены в таблицу и вычислены отдельно, но поскольку не было обнаружено каких-либо выраженных отличий от данных, полученных от мужчин, они включены в общие таблицы.

Процедура исследования

Каждому испытуемому были даны следующие инструкции:

Я опишу вам несколько ситуаций, которые часто встречаются в повседневной жизни, и которые также могут случиться и с вами. Скажите, как, по вашему мнению, каждый эпизод, скорее всего, закончится.

Следующие пять ситуаций были представлены каждому испытуемому, чередуясь с пятью другими.

1. Бригадир считает, что работающие у него люди выполняют работу неудовлетворительно. Он спрашивает своего начальника, что он должен сделать, и начальник говорит ему, что не нужно слишком беспокоиться, что все разрешится само собой. Но все-таки день за днем бригадир видит, что производительность его цеха падает, в то время как другие цеха, похоже, работают с высокой отдачей. Что он будет делать в этой ситуации и почему?

2. Бригадир рассказывает рабочему, как тот должен выполнять определенную работу. Рабочий отвечает, что он сделает это по-другому, по-своему, и подготовит все вовремя. Бригадир настаивает на том, чтобы поступал так, как ему велят, но рабочий все еще думает, что его способ лучше. Что сделает рабочий и почему?

3. Человек попросил своего друга написать ему рекомендательное письмо. Однако друг чувствует, что он не может честно написать положительную рекомендацию для этого человека. Он еще не решил, что делать, а человек спрашивает его, отправил ли он письмо. Что сделает и скажет друг в этой ситуации и почему?

4. Один человек чувствует, что люди разговаривают о нем за его спиной. Несколько раз случилось так, что, когда он входил в комнату, люди переставали говорить или, как ему казалось, меняли тему разговора. И сейчас снова, когда он подходит к группе знакомых, разговор внезапно прекращается. Что сделает этот человек в этой ситуации и почему?

5. На заводе, где работает один человек, все работники недовольны из-за увеличения требуемых темпов производства и решают организовать забастовку; но для того, чтобы она достигла успеха, все работники должны принять в ней участие. Однако этот человек считает, что данная жалоба не оправдана, что требуемый уровень не слишком высок. Его друзья просят его присоединиться к ним. Что он будет делать и почему?

Эпизоды были прочитаны испытуемому один за другим. Вопросы, заданные в конце каждого эпизода, были спроектированы так, чтобы получить прогноз фактического поведения героя и описание мотивов, лежащих в его основе. В эпизодах, изображающих конфликт между двумя сторонами, мы пытались получить эти данные и для второго героя. Данные цели не всегда можно было достичь, задав только стандартизованный вопрос, и часто нужно

было использовать другие различные пробы. Некоторые испытуемые заявляли, что невозможно сказать, как эти люди будут действовать, что это будет зависеть от их личных особенностей или от обстоятельств; сказав это, однако, многие из них продолжали указывать, как могут действовать разные люди, иногда четко указывая на то, какой способ действий казался им наиболее вероятным. Если они не могли начать, мы спрашивали их: как они думают? как большинство людей будут действовать в этих условиях? – и эта переформулировка обычно помогла им преодолеть тупик, сохраняя при этом проблему, якобы ориентированную на действия «других людей». Если испытуемый сам спрашивал, хотим ли мы знать, как большинство людей будет действовать или как он сам будет действовать, ему было предложено озвучить свои идеи по обоим пунктам.

Если простой вопрос «Почему?» не давал описания мотивации, мы спрашивали, что герой может подумать или почувствовать по отношению к ситуации. Мы никогда не спрашивали у испытуемых оценку хода действий или мотивов, которые он описывал. Однако спонтанные оценки часто случались, или могли быть выведены из ответов. Они фиксировались, как и все, что озвучивалось в обсуждении этого эпизода.

При разработке эпизодов мы пытались представить выборку межличностных проблем, связанных с взаимодействием между равными людьми, а также между людьми, находящимися в высшем и низшем статусе, и возникающими в различных значимых областях человеческой жизни. Мы не формулировали ситуации в терминах, характерных для советской реальности, или не помещали их в какой-либо определенный контекст; мы надеялись, что, сделав их схематичными, мы стимулируем испытуемых рассматривать ситуации в собственных личных терминах взаимодействия и мотивации, а не с точки зрения ситуационных обстоятельств и социальных институтов. Многие из наших испытуемых фактически рассматривали эпизоды исключительно таким образом, однако еще большее количество этого не делало. Столкнувшись с ситуациями, они настаивали на заполнении конкретными подробностями этой схематически изображенной реальности, которую они действительно воспринимали как имеющую отношение к решению затронутой межличностной проблемы. В этих случаях мы позволяли им построить реалистичный фон ситуации, которую они выбрали или которую они лучше всего знали, но также пытались привлечь их внимание к мотивационным моментам в решении, которые не были принудительно определены ситуационными факторами.

Учитывая общую цель Гарвардского проекта и сильную мотивацию многих наших испытуемых передавать нам информацию о советской власти, следовало ожидать, что многие из них будут интерпретировать эпизоды как очередное исследование о советской жизни и институтах. Мы сделали все возможное, чтобы не допускать присутствие данной имплицитной интерпретации, например, начиная общую серию испытаний с (семейной) ситуации, которая, как мы полагали, не слишком загружена «советскими поводами», и не поощряя уточняющими вопросами обсуждение ситуаций из советской жизни как таковых. Если испытуемый спрашивал, хотим ли мы знать, как бы действовал человек в Советском Союзе или в Германии, мы просили его давать оба решения. Если он просто начинал обсуждать ситуацию с точки зрения конкретных советских факторов, мы принимали такое обсуждение; однако мы искали возможность спросить его, как бы действовали люди, если бы эти конкретные факторы – а зачастую и угрозы – отсутствовали, например, если бы ситуация происходила в Соединенных Штатах.

Большая часть обсуждения советских условий была вызвана не ошибочным пониманием задачи, а просто попытками решить ситуацию не в вакууме, а в той реальности, которую знали наши испытуемые. И, конечно же, эта реальность, воспринимаемая ими, должна учитываться при любом сравнении их паттернов личного взаимодействия с таковыми у американских испытуемых. Несмотря на то, что обеим группам испытуемым предоставлялись идентичные описания эпизодов, они часто отражались в их сознании как совершенно разные ситуации, которые, естественно, порождали бы разные чувства и мотивы. По этой причине мы хотели бы предварить обсуждению результатов каждого эпизода кратким изложением тех признаков – как они были обозначены нашими испытуемыми – по которым различаются советская и американская ситуация.

Еще одно предварительное замечание заключается в том, что касается обоснованности выводов, сделанных на основе сопоставления эпизодов, обсуждаемых русской и американской группами. Несмотря на то, что методика проводилась на обеих группах аналогичным образом, она была включена в интервью о жизни испытуемого, и этот контекст был настолько разный для двух групп, что даже самое строжайшее выравнивание «стимулов» упрощало бы данные и не предоставляло бы возможности сделать общую ситуацию интервью действительно сопоставимой. Личный смысл интервью для русских не мог быть продублирован для американской выборки: шанс «рассказать миру о России», вылить свои обиды как на Союз, так и союзников, получить некоторую материальную помощь, когда это было отчаянно необходимым,

замаскировать факты, которые могут препятствовать их эмиграции в Соединенные Штаты – все эти убедительные мотивы и сильные эмоции были присущи нынешним и прошлым жизненным ситуациям русских респондентов. Поскольку эти жизненные ситуации не могут быть продублированы в какой-либо другой контрольной группе, потому интервью или тестирования различаются в разных контекстах. Все, что мы можем сделать, это держать эти различия в уме, сравнивая результаты тестов в наших двух группах.

Категоризация данных

Мы разработали определенные категории для каждого отдельного эпизода, а также некоторые более общие, которые могут быть применены к более чем одному эпизоду; кроме того, мы пытались выделить отдельные категории для обсуждения действий, мотивов и оценок, а не объединять эти разные уровни в качестве эквивалентных выражений мотивационных тенденций.

При категоризации материала мы столкнулись с тем, что многие испытуемые давали несколько решений ситуации, часто даже диаметрально противоположных. Мы разработали способы фиксации, которые позволили нам выделять отдельно, когда это было возможным, те решения, которые, как представляется, были основными, лично предпочтительными, и теми, которые можно было бы считать вторичными или дополнительными.

Мы кратко опишем здесь основные категории, т.е. те, которые были применены к более чем одному эпизоду; в группе обсуждаемых эпизодов они использовались в эпизодах 2 и 5, в которых изображен не внутренний конфликт, а конфликт между двумя сторонами, А и Б.

Категория *результатов* для этих случаев может быть сформулирована с точки зрения того, является ли результат благоприятным для А или Б. Эта категория применяется только к прогнозированию того, что на самом деле произойдет; не к любой ситуации может быть применен благоприятный результат. Если испытуемый рассмотрел и обсудил оба исхода, то мы перепроверяли тот, который он считал более вероятным. Если он не давал нам никаких оснований для такого решения, ответ определялся как неясный. Когда русский испытуемый давал отдельные ответы для «советской» ситуации и для «внешней», мы не рассматривали первый как главный ответ по умолчанию, и особенно в тех случаях, когда испытуемый указывал, что с точки зрения общей «человеческой природы» альтернативный исход был бы более вероятным. В отсутствие такой явной дифференциации «советское» решение определялось

как основное, даже если оно было четко связано испытуемым с факторами, характерными для советской реальности.

В категории *оценки* мы попытались определить, кого из двух героев респондент считает правым в своем требовании или в сопротивлении требованиям другого. Явные оценки были отделены от тех, которые просто подразумеваются или выводятся из формулировок; поскольку оценки не запрашивались инструкцией, они отсутствовали во многих случаях. Когда чувства респондента о правильном и неправильном не согласовывались, то фиксировались обе категории: та, по которой герой ситуации считался более правильным, чем другой, перепроверялась всякий раз, когда было возможно данное решение. Все причины, озвученные респондентами относительно того, почему тот или другой участник прав, были зафиксированы по специальным категориям, варьирующимся от одного эпизода к другому. Чтобы отделить эти основания для оценки от чисто объясняющих «причин действия», мы старались, по возможности, указывать, был ли приписываемый герою мотив одобрен или отклонен испытуемым, или обсуждался нейтральным образом.

Третья основная категория *эмпатии* требовала большей интерпретации со стороны экспертов, чем категории результатов и оценки. Она, как и предыдущие, была разделена на 2 части, по одной для каждого участника, вовлеченного в ситуацию. Основным критерием наличия эмпатии к данному герою являлось обсуждение ситуации испытуемым с точки зрения этого героя; обсуждение его мотивов и чувств, а также ситуации, затрагивающей его, и описание действий в деталях. Сострадающее отношение к человеку является важным маркером наличия эмпатии, но не является ее необходимым условием: отношение может быть нейтральным или даже враждебным, когда человеку приписываются нежелательные мотивы. Человек, которому испытуемый сопереживает, необязательно должен совпадать с тем, кто, как ожидается, выиграет в конфликте, и кто, как считается, занимает правильную позицию.

Эмпатия по отношению к героям отсутствует, когда ситуация обсуждается без внимания к «человеческому элементу» в ней, например, просто с точки зрения кратких фактических предсказаний или нормативных предписаний (он должен действовать так-то и так-то); или обсуждение может быть довольно продолжительным, но касаться только институциональных правил проведения процедуры или некоторых абстрактных принципов. Наиболее яркие случаи «без эмпатии» наблюдаются у тех испытуемых, которые явно отказываются участвовать в рассмотрении ситуации героев, постоянно повторяя, что «все зависит от обстоятельств»; что у них не было опыта

присутствия в подобных ситуациях, или – в случае советских эмигрантов – что описанная ситуация невозможна в Советском Союзе.

Для каждого из участников ситуации мы определили наличие или отсутствие сочувствия к нему, используя иногда промежуточную категорию «Эмпатия минимальная». Если испытуемый сочувствовал обоим участникам, мы попытались определить, было ли сочувствие сильнее к А или к Б, или равным к обоим.

Все записи были зафиксированы по этим категориям двумя оценщиками. Общий показатель согласованности между ними варьировался от 82% (для категории «эмпатии») до 94% (для «результатов»). В случаях разногласий различия были разрешены путем обсуждения.

Результаты

Представляя результаты для каждого эпизода, мы вначале обобщим те отсылки к советским условиям, сделанные русскими испытуемыми, по которым предыстория и контекст ситуации для них отличаются от таковых у испытуемых американской выборки. Затем мы сравним показатели, полученные двумя национальными выборками в различных категориях, дополняя сравнения обсуждением тех аспектов материала, которые не были зафиксированы. В заключительном разделе будут обобщены результаты всех эпизодов, как в отношении описания советской реальности, так и в отношении выражаемых ими мотивационных тенденций, а также предварительные выводы о межличностных отношениях, характерных для русской выборки.

Из пяти обсуждаемых эпизодов два включают в себя отношения руководитель-подчиненный в рабочей ситуации и три сфокусированы на отношениях между равными: друзьями, знакомыми или сотрудниками. Сначала мы обсудим ситуации, связанные с отношениями между руководителем и подчиненным.

Эпизод 1

Бригадир считает, что работающие у него люди выполняют работу неудовлетворительно. Он спрашивает своего начальника, что он должен сделать, и начальник говорит ему, что не нужно слишком беспокоиться, что все разрешится само собой. Но все-таки день за днем бригадир видит, что производительность его цеха падает, в то время как другие цеха, похоже, работают с высокой отдачей. Что он будет делать в этой ситуации и почему?

Это один из эпизодов, в которой герой является лицом, обладающим полномочиями, хотя его положение в то же время определяется как положение подчиненного при обращении к его собственному начальнику. Этот эпизод также отличается от остальных тем, что он предполагает минимум внутреннего конфликта; большинство испытуемых воспринимали ситуацию бригадира не с точки зрения выбора целей, а просто выбора средств, с помощью которых могла быть достигнута цель повышения производительности. Это особенно касается русских. Вопрос «Что сделает бригадир?» означал для них вопрос о способах, которые ему открыты для достижения этой цели, и в основном было дано описание действий с относительно небольшим обсуждением мотивов и выражением оценки. По сравнению с другими, данный эпизод был менее продуктивным относительно полученных психологических данных. Однако он был достаточно продуктивным относительно описаний советских процедур: 29 из 51 испытуемого дали подобные описания, сделав в общей сложности 59 комментариев.

А. Уникальные аспекты советской реальности

Те русские испытуемые, которые рассматривают эпизод с учетом советских условий, обычно воспринимают бригадира «под давлением». Они изображают его измученным служащим, столкнувшимся с трудной ситуацией, за которую он может быть – и будет – ответственным и наказанным. Одна категория комментариев (10 комментариев) касается ужасных последствий, которые могут произойти с бригадиром или с теми, кто признан виновным, из-за невозможности повышения производства; в этих комментариях часто подчеркивается, что «личных причин плохой работы не существует; будет найдена политическая мотивация», и, следовательно, «не существует увольнений за неудовлетворительную работу – только концентрационный лагерь»; иногда упоминается нормативный акт, касающийся саботажа. Группа испытуемых не разделяет эту официальную интерпретацию ситуации, по которой она определяется как преднамеренное вмешательство в производство с чьей-то стороны. Если люди вообще касаются реальных причин неудовлетворительного производства, то они думают о неэффективности, плохой работе, вызванной либо личными факторами, в том числе плохими материальными условиями жизни рабочих, либо недостатками всей организации. Фактор, упоминаемый чаще, чем другие (5 раз), – это низкое качество инструментов и материалов.

Самая большая группа комментариев посвящена различным процедурам, к которым бригадир может и будет обращаться, чтобы исправить ситуацию,

или инстанциям, которые коснуться этой проблемы, независимо от того, будет ли он обращаться к ним или нет. Созыв рабочего собрания чаще всего упоминается (12 раз) в качестве процедуры, которую бригадир попробует в первую очередь, в основном, с целью призыва рабочих к большим усилиям. Следующим по частоте является упоминание о партийных организациях, которые будут вызваны для решения проблемы или которым будет передано это дело (8 раз); профсоюзы упоминаются в том же контексте 5 раз, со случайными комментариями о том, что они являются государственными учреждениями и не защищают интересы рабочих; однако упоминается также возможность реальной помощи, например, в вопросе улучшения жилищного фонда трудящихся: «Профсоюзы помогают в 30-40% таких случаев». Спецотдел и НКВД (учреждения тайной полиции) упоминаются 3 раза.

На протяжении большей части описаний «расследования» и кампании, проводимой всеми этими агентствами, подразумевается, что установление вины является одной из основных целей официального разбирательства, и все заинтересованные стороны будут пытаться найти кого-то, кто виноват, чтобы отстранить возможную вину от самого себя.

Бригадир получил план, и, если он не сможет его выполнить, он будет искать виновных, чтобы переложить вину на них. Если он порядочный человек или не может найти козла отпущения, он сам станет им.

Следующее описание всей безумной процедуры является типичным направлением ответов на этот эпизод:

Сразу же будут организованы встречи: сначала совещание, на котором будут обсуждаться потребности этой отрасли промышленности; затем заседание местного профсоюза; затем партийное собрание - выяснить, в чем проблема; далее на кого-то намекнут, что он виноват; несколько человек арестуют, если это зайдет слишком далеко – в итоге, каждый будет бояться быть арестованным ... и объем производства поднимется.

Б. Мотивационный анализ

Из-за относительной нерегулярности явного упоминания мотивов в этом эпизоде мы вынуждены были основывать мотивационные категории главным образом на *действиях* бригадира. Мы добавили некоторые характеристики для определения категорий, что поможет нам точнее обозначить определенные отношения, лежащие в основе действий. Однако во многих случаях описанные

действия не содержали каких-либо указаний на их мотивационное значение, и все же учитывались в соответствующей категории, только в соответствии с содержанием действия как таковым.

Мы выделили четыре основных типа действий, или аспектов действий, в описаниях поведения бригадира. Первый тип действия можно назвать *поисково-кооперативным*. В этот тип мы включали все те случаи, когда бригадир описывался как ищущий причины проблемы и осуществляющий попытки исправить ее, сотрудничая с рабочими. Во многих таких случаях становится ясно, или подразумевается, что сложность локализуется где угодно, возможно даже в самом бригадире, и что он пытается оценить точку зрения рабочих, не манипулируя ими.

Бригадир поговорит с рабочими, чтобы посмотреть, где находится проблема. Возможно, это он сам. Если это его вина, он изменится. Если это вина рабочих, он попытается выяснить причину и исправить ситуацию.

Второй тип поведения состоит в *дисциплинировании* рабочих, требовании или ожидании от них послушания, угрозе или их увольнении. Близко к этому типу относится *манипулирующее* поведение, когда бригадир пытается говорить рабочим о повышении их усилий, используя множество аргументов, понуканий и побуждений. Другими случаями манипулирования были бы перестановки сотрудников на их рабочих местах без обсуждения с ними, чтобы, например, разбить некоторые группы, которые, как он подозревает, могут быть причиной этой проблемы. В ярких случаях как дисциплинарного, так и манипулятивного поведения бригадир подразумевает, что виноваты рабочие. Если бригадир описывается как вступающий в, казалось бы, взаимодействие, но на самом деле направляющий проблему против рабочих, его поведение будет классифицироваться как манипулятивное. Часто действие бригадира может иметь как дисциплинарный, так и манипулятивный аспект; в таких случаях он обозначался по обеим категориям.

Четвертый и последний способ действий, открытый для бригадира, – это *делегирование ответственности* за исправление ситуации на другие инстанции. Когда его призыв к вышестоящим властям приводит к дисциплинированию или манипулированию рабочими, действия бригадира классифицируются и как «делегирование ответственности», и как «дисциплинирование» или «манипулирование».

Таблица 1

Действия бригадира

Виды действий	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Поисково-кооперативное поведение	14 (19%)	26 (48%)
Дисциплинирование	30 (41%)	8 (15%)
Манипулирование	14 (19%)	8 (15%)
Делегирование ответственности	15 (21%)	12 (22%)
Всего	73 (100%)	54 (100%)

В таблице 1 приводится распределение всех комментариев, данных двумя группами испытуемыми по этим категориям. Русские, хорошо знакомые с ситуацией, дают гораздо больше комментариев по этому эпизоду, чем американцы (73 и 54 соответственно). Рассматривая последнюю категорию в первую очередь, довольно неожиданно обнаружилось, что делегирование ответственности происходит одинаково часто в обеих группах, несмотря на гораздо большую институционализацию этой процедуры в СССР. На самом деле, эта категория включает ситуации, частично отличающиеся для двух групп. Американцы, с их меньшим ожиданием угрозы, часто принимают за чистую монету обнадеживающее, хотя и неправдоподобное, заявление начальника о том, что все разрешится само собой. (Эта деталь была включена, чтобы исключить обращение к непосредственному руководителю в качестве простого решения проблемы). В их случае большинство примеров делегирования ответственности состоит в том, что бригадир принимает совет начальника, хотя в некоторых случаях он изображается как обращающийся к высшему руководству, минуя своего начальника. Следующие цитаты типичны для американских ответов в категории «делегирование ответственности».

Он ничего не смог бы сделать, если бы руководитель сказал бы ему, в чем причина. (Он проигнорирует ухудшение работы?) Ну, да, если руководитель сказал, что все разрешится само собой; он должен игнорировать это.

Если не будет никаких изменений, я вернусь к начальнику и скажу ему, что лучше не стало. Если он все еще удовлетворен, я оставлю все в покое. Если он думает, что вполне вероятно, что со временем все наладится, значит так скорее всего и произойдет. В конце концов, начальник будет знать о работе больше, чем я.

Вернуться к начальнику и спросить его, что делать; это единственное, что нужно сделать.

Из 12 американских ответов в этой категории 9 имеют такой же тип, что и описанный выше, и большинство из них (7) одобрены испытуемыми как совершенно хорошие действенные решения. Из 15 русских ответов в этой категории только 5 испытуемых, обсуждая эпизод *в отрыве* от советских условий, рассматривают возможность того, что бригадир остается пассивным, но ни один из них не одобряет это решение. Один испытуемый, например, после того, как эксперт напомнил, что сказал начальник, ответил:

Ну, может быть, бригадир, будучи подчиненным, ничего не предпримет, из-за того, что сказал начальник; с другой стороны, он все еще может попытаться улучшить производительность, ведь у него есть собственная инициатива, он не марионетка.

С точки зрения советских условий, русские вряд ли когда-либо примут утверждение начальника за чистую монету. Трое испытуемых отрицают вероятность такого явления в довольно сильных выражениях.

Это похоже на сказку о Красной Шапочке. Это невозможно: он, должно быть, потерял рассудок! Как он мог не беспокоиться! Он будет в неистовстве, он будет изо всех сил настаивать на том, чтобы работа шла в другом темпе: «Завтра мы все будем в НКВД».

Другой испытуемый предполагает, что руководитель рассматривает бригадира как саботажника – ни в каком другом случае он не мог бы дать ему абсурдный совет не волноваться. Обычно русские испытуемые просто игнорируют эту нелепую особенность и описывают, как бригадир отправляется в вышестоящие органы в рамках своих усилий, чтобы попробовать все, что могло бы улучшить ситуацию, и таким образом избежать вины и наказания.

В описании программы действий, установленной самим бригадиром, *поисково-кооперативные* методы являются выбором американской группы, в то время как русские в этой ситуации думают скорее о срочных дисциплинарных мерах, чем о любой спокойной попытке найти реальные причины трудности. Если сочетать *дисциплинирование* и *манипулирование*, как те, которые представляют авторитарные методы, русские упоминают такие методы в два раза чаще, чем американцы; они приписывают их, главным образом, властям, самому бригадиру, который, как они считают, находится в опасном положении и пытается избежать катастрофы. Американской группе ситуация с бригадиром не кажется очень опасной, хотя иногда они предполагают возможность потерять работу. В результате они рассматривают бригадира как способного решить его проблему довольно спокойным образом, используя методы, близкие к его установкам и убеждениям, или к проецируемым установкам и убеждениям испытуемого. Русские описывают поведение бригадира как детерминированное давлением окружающей среды. В отличие от обсуждения других эпизодов, в данном они редко используют выражения типа «Я бы сделал то или это» или «этот способ лучше всего»; скорее они рассматривают эту ситуацию преимущественно с точки зрения описания типичной процедуры.

В этом эпизоде использовалась еще одна категория; она не была включена в таблицу, поскольку она не имела однозначного отношения к какому-либо конкретному способу действий. Эту категорию можно назвать *интрапунитивной установкой*; в нее включены случаи, когда бригадир с самого начала назначается и / или принимает на себя вину за ситуацию, чувствуя не только то, что его могут обвинять или наказывать, и что он сам виноват и заслуживает наказания. В этой категории в два раза больше ответов американцев, чем русских (9 и 4 соответственно), и у первых выражение самообвинения более сильное и четкое.

(Американец) Скорее всего, бригадир не является хорошим претендентом для исполнения его роли. Его личность или подготовка не достаточно хороши, потому что он не может контролировать своих людей....

(Американец) О, друг! Это по моей части дать хороший ответ. Приятель может сказать себе: «Почему начальник так отделался от меня – меня уволят?»

(Русский) Он должен сначала проанализировать себя... Действуйте согласно поговорке: «Врач, исцели себя сам».

Таким образом, этот эпизод рассматривался русскими испытуемыми не как проблема межличностных отношений, в отличие от других эпизодов, а скорее, как описание советской процедуры, со слабой личностной идентификацией с героем. Поэтому в этом эпизоде трудно вывести личные мотивы из описаний действий. Советский бригадир представлен как сильно мотивированный – хотя и не исключительно – из-за страха перед последствиями упадка производительности, из-за упреков сверху, что приведет к наказанию. В целях самозащиты он придерживается дисциплинарного и манипулятивного поведения, которое характерно для тактики режима. Американский бригадир изображен гораздо более свободным от внешней угрозы; эта свобода позволяет ему как объективно, так и кооперативно справляться с ситуацией, и быть спокойным при пассивности и зависимости от своего начальника. С другой стороны, его неудача, по-видимому, представляет большую угрозу для его самооценки и приведет к большему чувству самообвинения, чем это проявляются у русских, которые сталкиваются с гораздо более ощутимой угрозой извне.

Эпизод 2

Бригадир рассказывает рабочему, как он хочет, чтобы тот выполнял определенную работу. Рабочий отвечает, что он сделает по-другому, по-своему, и подготовит все вовремя. Бригадир настаивает на том, что он должен поступать так, как ему говорят, но рабочий все еще думает, что его способ лучше. Что сделает рабочий и почему? (Тот же вопрос позже был задан о бригадире).

А. Уникальные аспекты советской ситуации

В этом эпизоде 31 (или две трети) русских испытуемых прокомментировали специфические советские условия, в результате чего было сделано 55 категоризированных замечаний. Они не возражали против ситуации, изображенной как невозможная или маловероятная на советском заводе. Однако, как и в предыдущем эпизоде, основная категория комментариев (22) касается опасности, при которой конфликтная ситуация чревата для обоих участников. Рабочий, если он идет против приказа бригадира, может быть строго наказан за неподчинение.

В Советском Союзе есть закон, в котором говорится, что приказы бригадира должны соблюдаться, и что рядом есть милиция; в случае, если вы не подчиняетесь бригадиру, он будет их вызывать.

Несколько месяцев спустя он предстает перед судом – за отказ работать; приговор может составлять до десяти лет.

Тем не менее, бригадир также считается находящимся под угрозой, если он настаивает на своем решении и полномочиях, поскольку рабочий может на законных основаниях пожаловаться на то, что бригадир не восприимчив к предложениям рабочего. Эта возможность обвинения бригадира упоминалась 7 раз, в 4-х из этих случаев жалоба направлялась в партийные или другие политические организации.

В Советском Союзе бригадир должен сдаться, в противном случае рабочий может начать жаловаться, – что бригадир давит на рабочего.

Порядочный рабочий сказал бы бригадиру: дайте мне шанс, иначе я пойду и нажалуюсь. Менее порядочный нажалуеться сразу.

Можно сказать, что бригадир не продвигает работу, что он подрывает ее. Его можно было бы легко обвинить в контрреволюционных тенденциях.

Тем не менее, более типичным для этого эпизода является то, что опасность заключается не столько в сопротивлении требованиям других, сколько просто в принятии ответственности за используемый метод работы. В зависимости от результата можно хвалить или наказывать. В случае успеха работника можно сделать стахановцем (работником, который пользуется особыми привилегиями в награду за систематическое перевыполнение нормы), а бригадир будет приветствовать сотрудничество с ним. Однако в случае неудачи результаты могут быть радикально противоположными. Уголовное преследование за неудачу или некомпетентность было упомянуто 14 испытуемыми. Эта опасность вменяется как рабочему, так и бригадиру.

Если работник не справится, он будет строго наказан; если он возьмет на себя инициативу... Мой начальник рассказал мне об инженере, который собирал машину на заводе Форда; он не смог ее завершить, и Форд назначил

дополнительные финансирование для устранения трудностей. В Советской России они застрелили бы его.

У бригадира есть официальное право решать, и, если дело будет успешным, все будет хорошо. Если случится неудача, его будут обвинять в том, что он рисковал, потратил государственные деньги без достаточной основы. Или, если бы он не допустил (использование метода), а метод оказался хорошим, его обвинили бы во вмешательстве в инициативу масс; в обоих случаях все закончилось бы плохо для него.

Однако результат зависит не только от успеха или неудачи. Некоторые испытуемые упоминают другие факторы, определяющие, будет ли похвала или наказание, и для кого. Трое испытуемых считают, что результат конфликта между работником и бригадиром зависит от того, кто из них является членом партии; четвертый упоминает важность социальных условий. Также упоминается текущая «кампания» как определение отношения властей: если произойдет кампания по увеличению производства, работник может быть вознагражден за рационализацию, но, если ведется кампания по ужесточению трудовой дисциплины, он проиграет из-за своей инициативы.

По представленным до сих пор комментариям может показаться, что удовлетворительное решение проблемы не может быть достигнуто, поскольку любое решение приводит к неопределенности и опасности. Однако есть выход из дилеммы: он состоит в том, что рабочий выполняет приказы, но в то же время докладывает об отклоненных бригадиром предложениях администрации или инженеру (5 комментариев) или техническому бюро завода, которое рассматривает все предложения по совершенствованию (8 комментариев). Это законный и даже обязательный способ действий для рабочего, и это не обязательно является жалобой или обвинениями в отношении бригадира, который, по мнению некоторых испытуемых, может даже рекомендовать такое поведение рабочему. Ничего похожего на такую установку мы не находим в американских комментариях: испытуемые никогда не считали достойным обходить бригадира. Ниже приводятся примеры обсуждения русских.

Если бы я был бригадиром, я бы просто объяснил работнику, что этот метод уже опробован. Если он пойдет к кому-то выше с этим предложением, все в порядке. Я бы не подумал ничего плохого об этом.

В Советском Союзе я очень хорошо знаю отношения [между бригадиром и рабочим]. Я учился в Политехническом институте и занимался полевыми работами. Вы можете предлагать любые улучшения, но вам не разрешается применять их анархически. Высшая юрисдикция примет решение, техническое бюро.

Благодаря этому упорядоченному и объективному методу урегулирования конфликта, становится загадочным, почему в обсуждении этого эпизода упоминания об угрозах и опасностях перевешивают таковые о безопасном урегулировании (3:2). Одна простая «техническая» причина, по которой рабочий, в обсуждении испытуемого, не всегда идет в техническое бюро, заключается в том, что метод, который он хочет использовать, не всегда считается либо новым, либо достаточно значительным, чтобы считаться техническим усовершенствованием, которое заслуживает изучения; некоторые испытуемые прямо делают эту оговорку при обсуждении бюро рабочих изобретений.

Это, однако, не исчерпывающее объяснение, тем более что один и тот же испытуемый может упоминать как опасности конфликта, так и, по-видимому, безопасный способ его решения. Создается впечатление, что преимущества, которые могут возникнуть в результате готового направления коммуникации снизу вверх, теряются или даже превращаются в невыгодное положение из-за других факторов в советской реальности. Русский рабочий, в отличие от американского, имеет законный канал обращения к администрации предприятия в обход бригадира, которая, в свою очередь, может предоставить работнику должность в организации, разрешить ему озвучить свои разочарования и жалобы или служить в качестве беспрепятственной линии связи снизу вверх. Однако этот канал используется не только для передачи необходимой рабочей информации, но и чтобы передавать личные рассказы и доносы (месть); доносчика часто подталкивает страх, что, если он не сообщит первым – сообщат о нем. Очевидно, средство промышленного управления становится инструментом политического контроля: гениальный инструмент для эффективного администрирования превращается в действенную операцию подстрекания в целях подозрения, беспорядков и шпионажа. Хотя в обсуждениях этого эпизода нет ссылок на агентов НКВД, примечательно, что в советских условиях описанный простой конфликт рассматривается многими испытуемыми как способ, близкий к взаимному доносу. Опасности недоносительства воспринимаются как угрожающие работнику и бригадиру примерно в равной степени. Бригадир видится как более уязвимый из-за его

ответственности за решения и из-за того, что он открыт для нападения сверху и снизу; однако фактическое количество упоминаний об опасности и репрессиях показывает, что они относятся к бригадиру и рабочему с равными частотами.

Из этого описания советской промышленной реальности видно, что условия эпизода воспринимаются по-разному двумя выборками. Советский рабочий имеет способы обращения к высшим органам власти, которых у американцев нет, но последствия конфликта могут быть более катастрофическими для русских участников, чем просто потеря работы или «утрата репутации», что, в свою очередь, представляют американцы как наихудшую опасность.

Б. Мотивационный анализ

Поскольку это был один из эпизодов, представляющих конфликт между двумя людьми, к нему были применены ранее описанные категории «эмпатия», «результат» и «оценка».

Что касается показателей степеней *эмпатии* («эмпатия присутствующая», «минимальная», «отсутствующая»), между русской и американской группами различий не выявлено. Обе группы были очень похожи в показателях эмпатии к каждому из героев, и обе выборки больше сочувствовали рабочему, чем бригадиру. Этого можно было ожидать, потому что рабочий представлен в качестве главного героя эпизода, в котором сначала запрашиваются действия первого, и, как следствие, они чаще и более подробно комментируются. Тем не менее, две группы отличались тем, что американские испытуемые нуждались в большем количестве стимулов для составления комментариев, на которых основывались многочисленные эмпатии: 29 русским и 44 американцам интервьюер вынужден был осуществить дополнительные запросы о действиях или мотивах участников. Разница в количестве заключается, в основном, в вопросах, которые задавались о втором герое, бригадире: 8 для русских и 31 для американцев. Мы можем заключить, что с точки зрения спонтанного обсуждения русскими сочувствовали бригадиру несколько сильнее, чем американцы. Анализ оценок эмпатии подтверждает этот вывод. Шесть испытуемых, которые никому не сочувствовали (3 в каждой группе), исключены из Таблицы 2.

Таблица 2

Эмпатия к рабочему и бригадиру

Выборка	Количество испытуемых, которые продемонстрировали эмпатию				
	Только к рабочему	Больше к рабочему, чем к бригадиру	Равная эмпатия к обоим героям	Больше к бригадиру, чем к рабочему	Только к бригадиру
Русские	16	11	12	4	5
Американцы	14	23	3	5	2

Среди испытуемых, сочувствующих обоим участникам, американцы преимущественно предпочитают рабочего, в то время как русские сочувствуют обоим в равной степени. Сгруппировав первые два и три последних столбца таблицы 2, мы обнаруживаем, что в американской группе показатель эмпатии к рабочему выше, чем к бригадиру: 38 американцев и 27 русских сопереживают преимущественно рабочему. Это различие достоверно при уровне значимости 0,5.

При интерпретации менее сильной идентификации советских эмигрантов с рабочим мы должны рассмотреть две возможности. В большинстве эпизодов (включая те, которые не обсуждались в этой статье) русские были менее склонны, чем американцы, сочувствовать исключительно основному герою. Они проявили больше спонтанного сочувствия ко всем людям, участвовавшим в этом эпизоде, в то время как американцы сосредоточились на главном герое, как будто придерживаясь более пристального внимания к неявным требованиям инструкции, чтобы обсудить ситуацию с *его* точки зрения. Относительно большее сочувствие русских к бригадиру в данном эпизоде может быть просто еще одним примером этой общей тенденции распределять их эмпатию на всех героев. С другой стороны, это может быть связано с особой ролью второго персонажа в этом эпизоде и может указывать на особое отношение к авторитету, отличное от отношения американцев.

Анализ прогнозов наиболее вероятного *результата* конфликта поддерживает вторую интерпретацию. При категоризации этих предсказаний мы считали, что результат благоприятствует тому герою, который, в конце концов, имел свой собственный путь, не испытывая ужасных последствий. В обеих группах бригадир добивается намного больше, чем рабочий: русские предсказывают победу над рабочим в соотношении примерно 2:1; американцы в соотношении примерно 3:2. Однако результат не может быть окончательно

истолкован в мотивационных терминах: русские, в частности, видящие многие посторонние факторы в ситуации, могут ожидать, что бригадир выиграет не потому, что они сочувствуют его точке зрения или считают его очень могущественным, но, например, потому что баланс многих давлений на него может способствовать применению проверенного традиционного метода как самого безопасного поведения в ситуации.

Более убедительные свидетельства об установках к авторитету предоставляются категорией *оценки*, в соответствии с которой фиксируется спонтанное суждение испытуемого – явное или предполагаемое – в отношении «правильности» и «неправильности» позиции героев. Оценивая позицию бригадира, 30 русских и 28 американцев в некоторой степени оправдали его, либо прямо, либо упоминая некоторые положительно обоснованные причины его позиции; 29 русских и 20 американцев до определенной степени оправдывали позицию рабочего. Мы должны заключить, что нет никаких различий в оценке ситуации нашими двумя группами. Русские чаще выражают свои оценочные суждения, чем американцы, но содержание этих суждений одинаково в обеих группах.

Рассмотрение относительной оценки каждым испытуемым позиции работника и бригадира не изменяет эти выводы. Русские распределяют «правоту» чуть более справедливо, чем американцы: 6 русских и ни один из американцев не чувствуют, что и рабочий, и бригадир имеют одинаково веские мотивы; 29 русских и 40 американцев говорят о том, что они считают обоснованными мотивы только для одного из персонажей, причем эта разница в значительной степени обусловлена «правильностью», приписываемой исключительно бригадиру (15 русских и 24 американцев). Вместе с тем, при объединении категорий примерно одинаковое число русских и американцев (16 и 18) считают, что рабочий больше прав, чем бригадир, а примерно равное число придерживается противоположного мнения (22 русских и 26 американцев),

Перейдем теперь к рассмотрению конкретных *мотивационных и оценочных комментариев*, сделанных испытуемыми, и предоставленные в изобилии в дискуссиях по этому эпизоду; в отличие от первого эпизода, русские предоставили их даже больше, чем американцы, так что более детализированные выводы относительно мотивационных тенденций могут быть сделаны для обеих групп.

Мы классифицировали в общей сложности 126 мотивационных комментариев русских и 113 комментариев американцев; около 70% русских и около 60% американских комментариев имели оценочные коннотации,

содержащие причины, по которым один из участников был бы прав, или считали бы его правым, настаивая на своей точке зрения. Мы будем рассматривать эти *оценочные комментарии* отдельно от других мотивов. В таблицах 3 и 4 цифры относятся ко всем упоминаниям о «хорошей причине», независимо от того, была ли она дана в общей, нормативной форме или в качестве мотива одного из участников, а также независимо от прилагаемого к ней значения, которое придавалось ей испытуемым. Кроме того, мы приводим в круглых скобках количество случаев, в которых данная причина была либо признана главной среди многих, упомянутых испытуемым, либо – если она была указана как единственная причина – была выражена им особенно четко и решительно.

Таблица 3

Причины одобрения позиции рабочего

Причины	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Компетентность работника	30 (10)	19 (3)
Ценность инициативы, собственные убеждения	4 (1)	8 (3)
Рабочий прав, если он использует каналы коммуникации снизу-вверх	13 (2)	6 –
Всего	47 (13)	33 (6)

Результаты показывают, что обе группы считают компетенцию работника ведущим обоснованием его позиции; американцы придают определенное значение мысли о том, что работнику выгодно проявлять инициативу и ответственность, защищая свои убеждения. Третья категория обоснования обстоятельств для работника носит более вспомогательный характер и менее ясна в его мотивационном значении: поскольку «каналы коммуникации снизу вверх» могут иметь субъективное значение либо в использовании своих прав, либо в защите себя против возможной вины или опасности. Как и следовало ожидать из описания советской ситуации, эта категория чаще встречается в описаниях русских испытуемых, чем американских.

В Таблице 4 русские подчеркивают компетенцию несколько больше, а личную ответственность – меньше, чем американцы; они также больше

американцев указывают бригадиру на необходимость упредить анархию, поддерживая порядок и дисциплину. Однако в отношении более крупных категорий нет больших различий между обеими группами. Если мы объединяем первую и вторую категории («начальник» и «дисциплина»), как выражающие авторитарные ценности, и сравниваем их с объединенными третьей и четвертой категориями («компетенция» и «ответственность»), мы обнаруживаем, что с точки зрения общего количества комментариев, 55% русских и 53% американских комментариев выражают авторитарные ценности; с точки зрения обозначения ведущих комментариев, американцы делают акцент на авторитаризм больше, чем русские. Последняя категория – «Бригадир придерживается общего плана или инструкций» – аналогична «использованию каналов коммуникаций снизу вверх» для рабочего; она не была включена в расчет, поскольку ее последствия с точки зрения авторитарных ценностей неоднозначны. При сравнении таблиц 3 и 4 можно отметить, что 47 российских оценочных замечаний оправдывают рабочего и 40 – бригадира, в то время как американские комментарии разделяются между ними поровну (по 33 для каждого). Таким образом, сравнение оценок не показывает различий между двумя группами в той степени, в которой они выступают за авторитарные ценности.

Таблица 4

Причины одобрения позиции бригадира

Оценки	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Он – начальник, и он старше по возрасту	15 (4)	13 (6)
Он обязан поддерживать рабочую дисциплину, делать указания	6 (2)	3 (1)
Он обладает компетентностью, опытом	16 (6)	10 (4)
Он несет ответственность за работу	1 –	4 –
Он придерживается общего плана или инструкций	2 (2)	3 (1)
Всего	47 (13)	33 (6)

Мы возвращаемся к рассмотрению меньшей группы мотивов, которые приписываются героям просто путем *объяснения*, а не одобрения его позиции. Эти мотивы могут быть либо отвергнуты испытуемым, либо не являются «вескими причинами», либо приняты как субъективно значимые причины для испытуемых, но в любом случае они не имеют позитивных нормативных коннотаций, свойственных группе причин, рассмотренных выше.

Для *рабочего* были упомянуты три категории «плохих» или нейтральных мотивов: своеволие или упрямство, личная выгода и страх. Русские дали в общей сложности 19 комментариев в этих категориях, американцы – в общей сложности 33 комментария. Категорию «своеволия» можно рассматривать как связанную с личностной инициативой, но без позитивных коннотаций. Эта категория используется почти исключительно американцами (русских комментариев – 1, американских – 15); они довольно равномерно распределены между описанием этого мотива в нейтральных терминах и с точки зрения осуждения, иногда используя эту категорию в последнем случае, чтобы вынести суждение о позиции работника. «Личная выгода» (русских комментариев – 3, американских – 3) включает случаи, когда работник хочет использовать свой собственный метод, потому что он экономит его усилия или снижает дискомфорт, или позволяет ему зарабатывать больше. Довольно неожиданно мы находим равное число комментариев русских и американцев (15 и 15), в которых упоминается страх, заставляющий работника подчиняться, хотя процентная доля этого мотива в русской выборке намного выше. Следует, однако, отметить, что в американских данных рабочий просто боится навлечь на себя гнев бригадира или – чаще – потерять работу, в то время как русские ожидают гораздо более серьезных последствий и, по крайней мере, в одной трети случаев – крайне тяжелых.

В отношении *бригадира* упоминаются два «плохих» или нейтральных мотива: авторитаризм или деспотизм (русских комментариев – 8, американских – 11) и страх (русских – 12, американских – 3). По мнению советских эмигрантов, бригадир мотивирован страхом почти в той же степени, что и рабочий, и последствия, которых он боится, одинаково жестоки, в 3 или 4 случаях – катастрофичны; страх упоминается как мотив и в его настойчивости на подчинении и в уступках рабочему. В комментариях американцев бригадир, в отличие от рабочего, не боится последствий конфликта: в худшем случае, и это довольно редко, он ожидает, что начальник «съест его с потрохами», если метод работника не сработает.

Нейтральные или негативные мотивы распределяются русскими одинаково между бригадиром и рабочим (20 и 19), в то время как американцы

относят гораздо большее их количество работнику (14 и 33). Это согласуется с их несколько большей концентрацией на позиции рабочего (или основного героя), а также с их некоторой склонностью оправдывать больше бригадира, чем рабочего.

Мы не пытались количественно определить случайные данные о восприятии отношений между бригадиром и рабочим, но из повторного анализа записей видно, что русские вкладывают в них позитивный смысл не меньше, чем американцы (с точки зрения взаимной оценки своей компетенции). Нарушение отношений после конфликта предвидится американцами не реже, чем русские: в их случае без участия каких-либо внешних сил, с точки зрения бригадира, возможно либо увольнение рабочего, либо возмущение из-за неуважения и порождение недовольства. Те из советских испытуемых, которые при обсуждении этого эпизода сравнивали отношения бригадира и рабочего «дома» и в Германии, чаще чувствовали, что русский бригадир более дружелюбен к рабочему.

Несколько дней назад я наблюдал, как немецкий рабочий и мастер работают в Английском Саду. Бригадир очень грубо оттолкнул работника в сторону. Русский бригадир никогда не будет действовать жестоко и грубо.

Согласно правилам, особенно немецким, работник должен делать так, как говорит бригадир. Но дома это действовало не так; бригадир мог согласиться с работником, что так лучше и быстрее... Здесь не предполагается, что рабочий будет думать.

В следующей таблице мы суммируем все оценочные комментарии, которые испытуемые сделали к этому эпизоду, независимо от их адресата. Таким образом, оценка «компетентность» включает отсылки как на компетенцию работника, так и на работу бригадира, и то же самое верно для оценки «инициатива, ответственность». «Авторитарные ценности» охватывают суждения, оправдывающие бригадира как начальника и подчеркивая необходимость дисциплины; «отказ от авторитаризма» состоит из негативных описаний проявлений авторитаризма бригадира; аналогичные описания своеволия работника не включены в расчеты, потому что отрицательная оценка, хотя и присутствует, но не такая четкая, как в случае бригадира. Если ее учитывать, то это подавление возмущения рабочего (выраженное почти исключительно американцами) может быть истолковано как поддающееся авторитарным ценностям.

Таблица 5

Общие оценки

Оценки	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Компетентность	46 (58%)	29 (43%)
Личная инициатива, ответственность	5 (6%)	12 (18%)
Отказ от авторитаризма	8 (10%)	11 (16%)
Авторитарные ценности	21 (26%)	16 (23%)
Всего	80 (100%)	68 (100%)

Русские подчеркивают компетентность, а американцы подчеркивают (во второй и третьей категориях) самоутверждение личности, но они не сильно отличаются в принятии авторитарных ценностей, по крайней мере, не на уровне сознательного мировоззрения.

Наконец, в Таблице 6 мы суммируем все мотивационные комментарии, как оценочные, так и нейтральные, интерпретируя их в более общие психологические категории; из этой таблицы исключаются только такие двусмысленные категории, как «использование каналов коммуникации снизу-вверх» и «следование плану». Частично используемые здесь категории делятся на положительные и отрицательные оценки и нейтральные объяснения, интерпретируя аналогичное содержание как выражение той же мотивационной тенденции, независимо от мировоззренческой «надстройки». Категории были сформулированы таким образом, чтобы получить более фундаментальную мотивацию.

Таблица 6

Общие мотивы

Мотивы	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Мотивы, связанные с самоуважением (компетентность, инициатива и ответственность)	51 (46%)	41 (40%)

Мотивы, связанные с авторитаризмом (принятие начальника, дисциплина; авторитарны и бригадир)	29 (26%)	27 (26%)
Протестное самоутверждение (своеволие работника; преследование корысти)	4 (4%)	18 (17%)
Подчинение (страх у любого из героев)	27 (24%)	18 (17%)
Всего	111 (100%)	104 (100%)

Если мы интерпретируем мотивы в первой категории как указывающие на относительную свободу от озабоченности проблемой власти, а во втором – как показатель меры авторитарных установок, мы должны заключить, что обе группы не отличаются по степени базовой эмоциональной вовлеченности в эту проблему. Однако существует явная разница в мотивах и действиях тех, кто оказывается в конфликте с несправедливым авторитетом, принципиально не признавая авторитета как такового; чувства американцев разделены равномерно между протестом и подчинением, в то время как у русских подчинение, детерминированное страхом, сильно преобладает над почти отсутствующим протестом. Очевидно, что частично это отличие объясняется различием в степени серьезности угрозы, с которой сталкиваются две группы в описанной ситуации, хотя мы не можем с уверенностью предположить, что это единственный важный фактор.

Интересно сравнить данные последней таблицы с данными, касающимися действий бригадира в Эпизоде 1 (таблица 1), где у испытуемых советской группы меньше мотивационных коннотаций. Сравнивая категории таблицы 1 и таблицы 6, можно заключить, что мотивы самоуважения и самоутверждения сродни лежащим в основе поисково-кооперативного поведения; обе категории установок свободны от авторитаризма и выражают принятие индивидуальной ответственности. Отметим, что в американской группе процентная доля примерно одинакова в двух категориях данных: 40% и 48% для неавторитарных установок, 26% и 30% – для авторитарных. В отличие от этой относительной стабильности американской группы, у россиян при обсуждении действий угрожающего бригадира уменьшается процент комментариев в неавторитарной категории более чем наполовину (46% и 19%), и увеличивается процент

комментариев в авторитарной категории более чем в два раза (26% и 60%). Если предположить, что действия бригадира, описанного русскими в Эпизоде 1 (опуская их собственные мотивы и ценности), отражают, как они представляют свое поведение в подобных стрессовых ситуациях, то сравнение двух эпизодов иллюстрирует, как давление тоталитарного режима приводит к авторитарному поведению людей, у которых нет сильной внутренней потребности в таком поведении.

В заключение мы рассмотрим основные *действия* работника в Эпизоде 2, выбирая в этом случае из различных действий, упомянутых советскими испытуемым, те, которые относятся к советской реальности всякий раз, когда выбор может быть сделан именно согласно этим условиям (Таблица 7).

Таблица 7

Выводы о действиях рабочего

Действие рабочего	Количество испытуемых	
	Русские	Американцы
Рабочий поступит по-своему открыто	4	10
Рабочий притворится, что поступает как говорит бригадир, но на самом деле поступит по-своему	5	6
Рабочий поступит как предлагает бригадир и / или обратиться с предложениями к высшему руководству в обход бригадира	14	4
Рабочий поступит как предлагает бригадир	24	28
Другое – ответ не ясен или ни один из вышеперечисленных	4	3
Всего	51	51

Видна примечательная инверсия между категориями 1 и 3. 20% испытуемых-американцев сообщают, что работник будет выполнять свою

задачу по-своему. Только 8% русских испытуемых считают, что работник может поступить именно так. Напротив, только 8% американцев считают, что рабочий пройдет со своим предложением в обход бригадира, а среди русских испытуемых – 27%. Как мы видели, для русского рабочего этот последний способ действий не обязательно означает неповиновение и бунт, – он институционализирован и рекомендован. Таким образом, действия рабочего отражают большее преобладание самоутверждения и протеста в американской группе.

Итак, в то время как американцы приписывали страх только рабочему, русские воспринимали рабочего и бригадира как тех, кто боится последствий ситуации, отчасти, и друг друга. Несмотря на большую покорность русских, обусловленную страхом, и большой протест американцев в борьбе с подавляющей властью, обе группы не продемонстрировали никаких различий ни в преобладании фундаментальной авторитарной мотивации, ни в мировоззренческом признании власти. Мотивы и ценности, указывающие на самоутверждение и самоуважение, были одинаково заметны в обеих группах, но в основе этого чувства собственного достоинства присутствует явное различие. У русских в основе этих чувств лежит почти исключительно компетентность в работе, американцы меньше подчеркивают этот фактор и дополняют его готовностью проявить инициативу и занять личную позицию по отношению к своим убеждениям. В то время как русские оправдывают бригадира не больше, чем американцы – тенденция была в обратном направлении, – они, как правило, более сочувствуют двум героям, чем американцы, а также распределяют «правильность» и «неправильность» более справедливо. Они приписывали меньший произвол начальнику, меньшее своеволие и непослушание – подчиненному, и, абстрагируясь от угрожающих аспектов ситуации, они с готовностью предполагали существование взаимного дружелюбия между ними.

Эпизод 3

Человек попросил своего друга написать ему рекомендательное письмо. Однако друг чувствует, что он не может честно написать положительную рекомендацию для этого человека. Он еще не решил, что делать, а человек спрашивает его, отправил ли он письмо. Что сделает и скажет друг в этой ситуации и почему?

А. Уникальные аспекты советской ситуации

«Контекстные» комментарии к этому эпизоду (41, сделанные 24 испытуемыми) наглядно демонстрируют предположение советского человека о том, что, если что-то пойдет не так, кто-то будет нести личную и политическую ответственность, независимо от того, насколько связано это или нет. Четырнадцать испытуемых упоминают, что автор рекомендательного письма может нести ответственность за неудачи или проступки человека, которого он представляет. Самозащита препятствует попаданию в такое незащищенное положение.

Он попросил меня написать для него хорошее письмо-представление, но, если его обвинят в некоторых преступлениях, я могу понести ответственность.

Он не будет писать – он испугается за себя и за свою семью.

Все те, кто дает хорошие рекомендации, могут понести ответственность за это в дальнейшем.

Американские испытуемые интерпретируют текст достаточно единообразно, рассматривая его как рекомендацию о работе, а предполагаемые недостатки того, кто запрашивает рекомендацию – как касающиеся его компетентности и его личностных характеристик. У русских это не единственная интерпретация; помимо недостатка компетентности и личных недостатков, таких как пьянство, они также думают о характеристиках человека, которые могли бы сделать написание рекомендации особенно опасным: «неблагоприятный» социальный фон; участие в преступлении; или нахождение под политическим подозрением. Иногда они интерпретируют рекомендацию как ручательство за политическую надежность друга или предполагают, что письмо попадет в партию или комсомол.

Ввиду этих опасностей и обязательств, а также потому, что в Советском Союзе все должно быть «официальным» институциональным актом, для людей не принято писать рекомендательные письма, отличные от официальных. Четверо респондентов заявляют это открыто, а некоторые другие указывают в своих обсуждениях, что ситуация, описанная в этом эпизоде, не соответствует советской действительности.

По правде говоря, такие письменные рекомендации у нас есть.... Ну, когда человек уходит [с работы], он может попросить директора об этом, или сотрудника, но не друга.

Этот пример слишком демократичен: в Советском Союзе письма с рекомендациями не пишутся частными лицами. Если кто-нибудь и писал такое когда-либо, то это было бы только в том случае, если бы он был уверен в своей собственной позиции и в позиции своего товарища; в целом, однако, такая процедура избегается.

Если кого-то принудили бы рисковать рекомендацией, заявили трое испытуемых, то они предпочли бы сделать это устно, а не в форме документа, который впоследствии может быть направлен против них.

Советский человек – в первую очередь он вообще не пишет, может быть, только по причине хорошей осведомленности о нем... И в таком случае совсем не было бы писем – только телефонный звонок.

... но не дай бог, чтобы на бумаге было что-нибудь, – для этого есть телефоны.

В явном противоречии с этим преобладающим нежеланием брать на себя ответственность даже за законную рекомендацию, несколько испытуемых указывают, что рекомендации или другая необходимая помощь могут быть получены посредством повсеместного «блата» (это выражение советского сленга означает тайные взаимодействия любого рода, основанные на личных связях или взяточничестве). Главной мотивацией для написания письма в этом случае было бы ожидание того, что если кто-то что-то сделает для другого, то он ответит взаимной услугой, если это будет необходимо. Из-за бесконечных препятствий, накладываемых сложными жизненными условиями, сложными официальными правилами и требованиями на судьбу каждого, люди должны в значительной степени зависеть от сети неофициальных контактов для достижения поставленных целей. Ложь, вовлеченная в эту взаимную помощь, ощущается как неизбежная и непорицаемая.

В Советском Союзе была настоящая торговля такими рекомендательными письмами. Возможно, они были вам не слишком близкими друзьями, но вы могли сказать ему, что он должен упомянуть в письме.

Конечно, это основано на взаимной поддержке. Вероятно, взаимная поддержка существует везде.

В наших условиях нет ничего постыдного во лжи – каждый это делает.

Написание рекомендательных писем посредством «взаимной поддержки» фактически упоминалось только двумя испытуемыми; было еще восемь упоминаний о «блате» и прямом взяточничестве, но они обычно относились к некоторым другим видам взаимодействия, таким как получение необходимых документов, или же это были общие суждения о распространенности «блата».

... Когда нас выгнали из нашего дома, я отправился к человеку, которого я знаю, к секретарю сельсовета и получил свидетельство, за которое я заплатил, что у Совета ничего не было против моего ухода из этого места. У него не было юридического права на это... но такой документ требовался везде.

... его первая мысль была бы такой: каким образом он мог бы мне помочь? Исходя из этого соображения, он позвонит и попросит нанять своего друга.

В Советском Союзе у человека все получается, если он приносит с собой «поллитра» (водки): с помощью этого все может быть решено, но без этого все будет сложно.

Он обещает, а затем не делает этого. В этом случае мы должны его подкупить. Например, когда человек в ресторане, и он в приподнятом настроении, он может написать рекомендацию для человека, который этого не заслуживает.

Несмотря на то, что было лишь несколько упоминаний «блата» как надежного решения проблемы, связанной с эпизодом, важно отметить, что представленная в нем ситуация часто вызывала эти ассоциации у советских испытуемых. Отвечавшие американцы вообще не думали о взяточничестве в связи с этим эпизодом, это была главной проблемой русских. Русские сами осознавали своеобразный характер их интерпретации, и некоторые указали, что контекст ситуации вне Советского Союза – совсем другой, и вызвал бы совсем другой комплекс мотивов в герое.

Б. Мотивационный анализ

С точки зрения мотивации, этот эпизод представляет собой ситуацию с реальным внутренним конфликтом. Вопрос о том, что сделает герой, становится вопросом о комплексе мотивов или ценностей, которые будут определять выбор его способа действий. На первый взгляд, в выборе есть две или три основных ценности: помощь другу с одной стороны, быть правдивым, или поступать по справедливости по отношению к работе или будущему работодателю – с другой. Тем не менее, многие другие личные мотивы также могут быть задействованы в выборе, особенно для русской выборки, которая воспринимает ответственность, связанную с рекомендацией друга, как то, что чревато потенциальной опасностью.

Мы подходим к проблеме мотивации главным образом посредством детального анализа прогнозируемых и / или предлагаемых действий. Хотя в ситуации есть только две основные альтернативы – выполнение или не выполнение просьбы друга – конфликт у испытуемых заставляет их изобретать множество конкретных вариаций и находить компромиссные решения. Мы насчитали не менее 12 различных предлагаемых действий или полумер, русские испытуемые сделали 86 и американцы 75 отдельных комментариев по этим категориям. Это богатство конкретных решений, многие из которых носят различный отпечаток их мотивационного происхождения, позволяет использовать описания поведения для мотивационного анализа несколько более адекватным образом, чем это можно было сделать в Эпизоде 1, особенно потому, что в этом случае описания богато снабжены оценками. При фиксации всех решений, упомянутых испытуемыми – которые для русских часто включали в себя действия, применяемые как в Советском Союзе, так и за его пределами – мы отметили все те, которые были лично одобрены испытуемым. Мы также пытались решить, с каким из всех упомянутых решений он более всего идентифицирует себя, отмечая его как основное, лично предпочтительное решение. Вместо предоставления списка частот по всем 12 категориям прогнозируемых действий мы представим их в более крупных группах. В Таблице 8 решения сгруппированы в основном с точки зрения степени отклонения или выполнения запроса друга. Первая колонка относится ко всем упомянутым решениям, третья, заключенная в скобки, – к основным предпочтительным решениям. Нижеприведенное обсуждение основано главным образом на данных по всем решениям.

Таблица 8

Межличностные установки выходцев из бывших советских граждан

Действие друга	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Открытый отказ	42 (49%) [28]	41 (55%) [30]
Завуалированный отказ	11 (13%) [6]	7 (9%) [3]
Частичное выполнение просьбы	8 (9%) [7]	7 (9%) [5]
Полное выполнение просьбы	25 (29%) [7]	20 (27%) [10]
Всего	86 (100%)	75 (100%)

Обе выборки не отличаются по той степени, в которой они выполняют просьбу друга о рекомендации, отвергая ее примерно в двух третях случаев. Они не сильно отличаются также и по степени откровенности, с которой они это делают. (В категории 2 девять россиян и три американца упоминают о возможности написания правдивой и неблагоприятной рекомендации, по-видимому, не раскрывая содержание другу, четыре американца и два россиянина упоминают, что не пишут рекомендации вообще и не будут лгать другу об этом). Однако, разница в личном восприятии этих двух способов испытуемыми гораздо более выражена. Из случаев откровенного отказа, упомянутого американцами: 88% одобряются ими; а россиянами одобрены только 71%. Завуалированное отклонение просьбы одобрено россиянами в 55% случаев, американцами – ни разу.

Между двумя выборками нет различий в отношении к частичной и полной реализации просьбы друга. Первая (категория 3) относится к случаям ни к чему необязывающего письма и случаев написания правдивого письма, с ознакомлением друга с письмом и объяснением его квалификации, и этот последний ход действий был в основном одобрен испытуемыми обеих групп. Вторая реализация просьбы (категория 4) состоит в том, чтобы писать ложно или скромно, против своих убеждений; из этих случаев менее половины (около 45%) одобрены в обеих группах.

Данные в таблице 9 указывают на высокую степень сходства между двумя группами как по общим, так и по предпочтительным вариантам решения, но мы не уверены, что мотивы, лежащие в основе предпочтений, одинаковы для обеих. В попытке выявить некоторые возможные различия более четко, мы

перегруппировали данные по общим решениям двумя разными способами. В первой группе мы собрали все конкретные решения, которые касались лжи и уклончивости либо по отношению к работодателю, либо к другу. Помимо категории «завуалированного отказа» и «полного выполнения просьбы», эта группа включает в себя некоторые подкатегории в двух других группах, таких как предоставление аргументов для отказа или для того, что письмо еще не написано, а также написание ни к чему не обязывающего расплывчатого письма. Среди русских показателей 50% высказываний относятся к этой категории, а 42% из них одобрены испытуемым; по американским показателям 38% всех комментариев связаны с ложью или уклончивостью, и 34% от этого числа одобрены. Русские явно более готовы, чем американцы, преступать через правду в этой ситуации, как по отношению к работодателю, так и другу, и они также чаще одобряют эту тактику.

Таблица 9

Мотивы предполагаемых действий

Мотивы	Количество испытуемых	
	Русские	Американцы
Дружба, симпатия к человеку	3 (6%)	9 (18%)
Честность как принципы поведения	9 (18%)	21 (41%)
Самозащита, страх репрессий	20 (40%)	8 (16%)
Другие мотивы; или несколько мотивов одного веса, или мотивы не ясны	19 (36%)	13 (25%)
Всего	51 (100%)	51 (100%)

В другой группе мы объединили все те решения, которые связаны с оказанием некоторой помощи другу. Она включает в себя, помимо случаев выполнения просьбы и ознакомления друга с письмом, давая объяснения, также и случаи отказа писать рекомендацию, заменяя ее предложением о помощи в какой-либо иной форме, например, помогая другу преодолеть его недостатки или найти более подходящую работу. В показателях у русских 43% от общего числа ответов приходится на эту категорию, у американцев – 32%; в этом

случае оценка этого способа действий не показывает той же разницы, как в том, что американцы одобряют полезные действия даже больше, чем русские (в 58% и в 51% случаев соответственно). Во всяком случае, русские предстают такими, что они помогают другу несколько чаще, чем американцы.

До сих пор наши обсуждения основывались на предлагаемых решениях или на лично предпочтительных, и эти данные дали лишь незначительные различия между этими двумя группами. Если по данным русских респондентов мы по возможности выберем решения, помещенные в *советский* контекст, и классифицируем все ответы в терминах предпочтительной причины, даваемой (или подразумеваемой) для обоснования предлагаемых действий, мы получаем совершенно другую картину.

Решение, принятое в советских условиях, очень часто определяется самозащитными мотивами. В этой ситуации ни желание помочь другу, ни желание сохранить свою честность не могут получить приоритет. Довольно часто проблема для человека становится решением вопроса о том, является ли более опасным брать на себя ответственность за рекомендацию или рисковать получить возмездие в дальнейшем, или, по крайней мере, потерять потенциальную поддержку такого же рода от друга. Для американцев конфликт заключается в выборе между честностью и дружбой, или желанием не портить отношения с друзьями. На мировоззренческом уровне они решаются ими достаточно равномерно в пользу честности – это принятое и одобренное решение. Испытуемые утверждают, что они не будут писать рекомендацию против своих убеждений и, как сказал один из них: «... и если это означает, что прекрасная дружба уйдет, значит – это прекрасная ушедшая дружба». Данное мировоззренческое решение показывает, что испытуемый не слишком заботится о конфликте: об этом свидетельствует высокий процент (25%) случаев нечеткой амбивалентной мотивации; и то, что распределение предпочтительных решений американцев не слишком сильно отличается от распределения в русской группе, которое содержит довольно высокую долю уступчивости и компромиссных решений (таблица 8), а также значительное ожидание разрыва отношений с другом. Но на мировоззренческом уровне, по крайней мере, обязанность друзьям явно проигрывает ценность личного достоинства.

Испытуемые из СССР сами понимают, что конфликт имеет разное личное значение в советских и западных условиях; четверо испытуемых высказывают это определенно. Один из них указывает на высокую оценку честности на Западе, в то же время отвергая ее как неподдельную.

Западная Европа не хочет лгать кому-либо – он честный по-буржуазному – он просто молчит. У него нет мужества, чтобы полностью отказаться, обратить своего друга в своего врага. Советский человек – в первую очередь он вообще не писал бы – или писал бы, как думает, – [лгать] было бы опасно.

Трое других испытуемых, говоря меньше о западных европейцах, чем о западных условиях, указывают на конфликт как на столкновение дружбы и долга, но предполагают, что дружба будет побеждать.

Дружба будет преобладать над чувством долга. Здесь идет борьба между дружбой и долгом. Там [в Советском Союзе] этого не существует – друг не пишет рекомендательные письма. Здесь же я всегда мог бы помочь приятелю.

В этой последней цитате испытуемый фактически не дает никаких доказательств полного понимания конфликта между честностью и дружбой, предполагая, что при устранении внешней угрозы он, естественно, поможет другу.

Таким образом, в этом эпизоде, как и в Эпизоде 1, наличие внешней угрозы в советской ситуации затруднило сравнение основных мотивов двух групп, особенно потому, что русские часто отвергали ситуацию как нереалистичную или понимали ее как имеющую политические последствия. Внутри советской интерпретации основным мотивом, проявившимся у респондентов, была самозащита против опасностей, и он был гораздо более серьезным, чем мягкое воздействие на положение и репутацию героев, которое иногда ожидали американцы. В материале есть некоторые указания – хотя и недостаточные для формулирования выводов – что в ситуации, свободной от угрозы, русские будут уделять меньше внимания ценности личной честности, которая преобладала у американцев, и больше внимания уделять помощи друзьям, и в их реальной мотивации, и на уровне мировоззрения.

Эпизод 4

Один человек чувствует, что люди разговаривают о нем за его спиной. Несколько раз случилось так, что, когда он входил в комнату, люди переставали говорить или, казалось, меняли тему разговора. И сейчас, снова, когда он подходит к группе знакомых, разговор внезапно прекращается. Что сделает этот человек в этой ситуации и почему?

А. Уникальные аспекты советской ситуации

Этот эпизод оказался мощным стимулом для пробуждения воспоминаний о ситуациях, ведущих к страху и дурным предчувствиям в Советском Союзе. В отличие от американцев, которые видели ситуацию безвредной, даже если это было неприятно, 23 из советских испытуемых (в общей сложности 37 высказываний) считали, что это означает серьезную потенциальную опасность для героя. Из конкретных толкований этой опасности наиболее часто упоминается политическая подозрительность (11 раз). Групповое молчание обычно интерпретируется как прекращение разговора о надвигающихся репрессиях против героя, либо как отказ от его присутствия, что также может заставить их подозревать.

Он упакует вещи и уедет завтра! Если я не член партии, и разговор прекращается, когда я подхожу, то, даже если я ни в чем не замешан, только тот факт, что я не пролетарского происхождения, заставляет меня нервничать. Я подумаю, что кто-то, должно быть, начал распускать обо мне слухи.

Несколько испытуемых указывают на возможное происхождение угрозы, лежащей в какой-то фактической ошибке или проступке, совершенной героем, не на политическом поступке самом по себе, а на том, что может быть истолковано таким образом, например, ссоры с начальником или ошибкой в работе.

Если он допустил ошибку на производстве – если он повредил свой станок – и его товарищи знают, что он находится под следствием, но не говорят ему об этом. Вот как я анализирую эту ситуацию относительно Советского Союза – там за поврежденный станок дается тюрьма за саботаж.

Чаще всего (5 раз), если ситуация не указана, как такая, когда герой находится под политическим подозрением, она просто описывается как связанная с опасностью репрессий без указания причины.

В Советском Союзе он бы молчал, он бы боялся и ждал что его арестуют. Это обычная история перед арестом.

Из всех эпизодов этот является единственным, в котором чаще всего упоминается НКВД (тайная полиция), а также его агенты и доносчики (17 раз). Это упоминание часто является частью картины надвигающейся опасности; или же оно заложено в общем обсуждении преобладающей атмосферы небезопасности и общего недоверия.

Каждый из нас чувствует: если люди говорят, значит точно обо мне. Если кто-то смотрит на тебя, ты думаешь об этом же. Нужно бояться; НКВД придет, каждый думает, что они придут за ним.

Во всех приведенных примерах испытуемый интерпретировал ситуацию как показатель опасности для героя эпизода, человека, который заметил, что разговоры прекратились в его присутствии. Это, однако, не всегда было так. Данный эпизод вызвал воспоминания о многих ситуациях, когда группа людей замолкала при приближении начальника или члена партии, или кого-то, кого они подозревали в том, что он был агентом НКВД. Испытуемые упоминали группы солдат, которым было запрещено собираться на переговоры, и прекращали разговор при приближении офицера или политического комиссара; группы работников, которые рассказывают антисоветские шутки и прекращают при приближении начальника; или семейную группу, избегающую выражения своих реальных мнений в присутствии члена семьи, состоящего в партии.

Мы сразу меняли тему (в присутствии моего брата-коммуниста). Другие братья презирали его; даже в присутствии его детей мы не говорили открыто.

Этот человек был бы полон подозрений и страхов. Он попытался бы выяснить причины. Он должен знать, какие могут быть причины; либо он – сексот (секретный агент), либо он не сексот.

Эта инверсия ролей, которая превращает героя в преследователя, а ведущую группу – в потенциальную жертву, в русской группе достаточно часто принималась во внимание при интерпретации психологических результатов, в частности, поскольку сравнительного повторения ситуации никогда не происходило в американской группе. В русской выборке этому повторению способствует тот факт, что страх перед доносчиками является широко распространенной причиной сдержанности советских людей; поэтому первая

цитата, приведенная в этом эпизоде, указывает, что член партии может ожидать, что люди прекратят свои разговоры в его присутствии.

Б. Мотивационный анализ

Основное различие в интерпретации данной двусмысленной ситуации заключается в том, чтобы увидеть описанное событие (разговор и его прекращение) либо как *не имеющее отношения* к герою, и тогда поднимается вопрос безразличия к нему, либо как *имеющее отношение лично к нему* и вызывающее его беспокойство. Отношения к герою практически всегда рассматриваются испытуемыми как нечто отрицательное или, по крайней мере, имеющее некоторые негативные аспекты. Получено мало комментариев касательно положительного отношения; так, испытуемый предполагал, например, что группа изменила тему разговора, зная, что то, о чем они говорили, привлекло бы нового участника в разговор. Примеры такого рода были отнесены к категории «Ситуация безотносительна», потому что в их эмоциональных выражениях они ближе к ней, чем к альтернативной.

Русские дали 91 интерпретирующее высказывание, американцы – 67. Подсчитав все интерпретации, независимо от значения, данного каждому испытуемым, 27% русских и 37% американских комментариев относятся к категории *безотносительной ситуации*. Если брать только основные интерпретации, то в ответах 27% русских и 42% американских испытуемых преобладает взгляд на ситуацию как на неактуальную или безвредную для героя. Таким образом, русские относительно чаще, чем американцы, рассматривают это событие как имеющее отношение к герою.

Однако мы отмечаем, что точно такое же число (25) испытуемых в каждой группе рассматривает хотя бы возможность ситуации, не имеющей отношения к герою, хотя это не всегда является «выигрышной» интерпретацией. Если бы подозрительное отношение русских было глубоко укоренившимся и всепроникающим, можно было бы ожидать, что это приведет к более исключительному доминированию идей наличия отношения к себе. Некоторые испытуемые проводят различие между интерпретацией ситуации в Советском Союзе и за ее пределами, четко указывая на то, что отношение недоверия не распространяется на них.

Здесь, если я не понимаю, что они говорят, я прошу их это повторить, рассказать мне то, что сказал начальник. Вероятно, они говорят о работе. (А если они промолчат?) Я бы ничего не подумал или ничего не сделал: пусть они хранят свои секреты, они меня не касаются.

В категории *безотносительной ситуации* есть некоторые качественные различия в ответах двух групп. Американцы чаще, чем русские, используют формулировку, позволяющую рассматривать ситуацию не как факт, а как продукт воображения героя («Один человек чувствует, что...»). Когда они это делают, они обычно не идентифицируют себя с героем, но считают его закомплексованным человеком, у которого есть комплекс преследования (8 раз). Они используют специальные термины, такие как паранойя, и предсказывают, что герой скоро окажется в кабинете психиатра. Русские редко задают вопрос о наблюдательности героя как таковой; скорее они чувствуют, что смысл наблюдаемого явления может быть неактуальным, безвредным или даже позитивным. Они ставят себя в ситуацию героя больше и рассматривают различные возможные интерпретации, в том числе безотносительность: изменение темы могло быть совпадением, или они, возможно, обсуждали свои личные дела. Специальный термин (мания преследования) использовался только одним испытуемым, который также был единственным, кто вынес суждение о герое как о психически нездоровом человеке. Несколько других испытуемых давали объяснение в терминах психологических механизмов, двое из которых обращались к концепции психической патологии, но ни один из них не показал потерю соперживательной идентификации с героем.

Я мог бы подумать: возможно, это просто показалось мне таким, возможно, это просто мое воображение. Существует такая повышенная чувствительность, которая делает из мух слонов.

На самом деле разговор может быть о чем-то еще, но вы просто ощущаете это чувство, потому что всегда этого боитесь.

Такие мысли могут возникнуть, если его отношения с людьми не очень хорошие, или если он болезненно боится, что сам он недостаточно хорош.

Вы были бы полны страха и беспокойства (и попытайтесь уволиться с работы)... и затем можете узнать, что разговор был об идее дать вам премию. Сейчас я смеюсь, но это трагедия.

Такие замечания указывают на то, что испытуемые имеют некоторое представление о механизмах, порождающих недоверие и неправильное толкование внутри себя. С другой стороны, те из американских ответов, в которых испытуемый отделяет себя от героя, заведомо объявляя его

параноиком, возможно, содержат лишь рациональное знание. Испытуемый фактически дает две интерпретации ситуации, приписывая идеи наличия отношения к герою и объективности к себе. Такое обращение с ситуацией становится возможным благодаря психологической изощренности, которой не хватает русским, но в некоторых случаях это интеллектуальное понимание может быть использовано для маскировки собственных тенденций к недоверию другим. Некоторые американские ответы, похоже, попадают в эту последнюю категорию; это служит подтверждением нашего вывода о том, что американцы проявляют меньшую подозрительность в интерпретации этого эпизода.

Категория «*Ситуация имеет личное отношение*» была подразделена на две части, в зависимости от того, была ли ситуация видна с точки зрения *угрозы* и опасности или с точки зрения *вины*. Эти интерпретации не являются взаимоисключающими и могут даже допускать друг друга, как когда воспринимаемая угроза представляет собой наказание за вину или критику за проступок. Однако, как правило, один из двух аспектов подчеркивается больше, чем другой. Когда упоминались оба, мы фиксировали оба, обозначая преобладающий, когда это было возможно. Учитывая все комментарии (66 у русских, 42 у американцев), мы можем отметить одинаковое равномерное распределение по двум подкатегориям в обеих группах (в русской: угроза – 34, чувство вины – 32, в американской: угроза – 22, чувство вины – 20). Что касается основных интерпретаций, то в обеих группах озадаченность угрозой сочетается с виной, а соотношение составляет 3:2 для русских, 4:3 для американцев.

Однако ни «угроза», ни «чувство вины» не имеют одинакового содержания в обеих группах. Практически все ответы американцев в категории *угроз* подразумевают, что люди говорили что-то неприятное о герое: сплетничали, критиковали или высмеивали его; или что – испытывая неприязнь к нему – они не хотели, чтобы он присоединился к их группе. Их суждения обычно не предполагали, что эта ситуация приведет к каким-либо плохим последствиям для героя, кроме простого знания или подозрения с его стороны, что его критикуют или не недолюбливают. Испытуемые изображали героя как обеспокоенного, озадаченного и встревоженного, но не испуганного. Среди ответов русских в этой категории по крайней мере одна четвертая упоминала некоторую серьезную опасность, обычно исходящую не от группы, а «сверху», при наличии которой поведение группы было всего лишь симптомом. Эмоциональный отклик героя, описанный русскими, варьировался от беспокойства и тревоги, интенсивного страха и озабоченности, до полной паники.

В категории *чувства вины* русские чаще всего думали о возможности предать друзей, о том, что герой был агентом, который уже совершил донос или намеревался донести на других (13 раз). Реже они проявляли озабоченность виной, либо тем, что герой был невиновен (8 раз), либо вменяя ему небольшую вину или проступок (9 раз). Американцы, демонстрировавшие явно эти идеи, дали практически все свои ответы по этой последней подкатегории мелких проступков (16 раз из 20). Однако даже в этой общей категории наблюдались некоторые качественные различия в ответах двух групп. Русские предположили – сознательно или нет – что, герой не относился к своим друзьям честно; он, возможно, вызвал их неприязнь, например, тем, что не посоветовался с коллегами о разделении работы или не заплатил всем за выпивку в свою очередь. Американцы нередко, казалось, чувствовали, что предполагаемое отстранение группы относится не к конкретному поступку героя, а вызвано его некоторой личной характеристикой. Они высказали несколько полушутливых фраз относительно неприятного запаха от героя, и часто неявно подразумевали, что присутствует некоторый личный недостаток, однако не указывали какой именно. Эти ответы, по-видимому, отражают скорее распространенные ощущения собственной неполноценности, чем какое-либо явное беспокойство в связи с определенной виной.

Мы уже упоминали, что русские порой больше отождествляли себя с группой, чем с индивидуумом, приводя примеры из личного опыта, которые относились к позиции группы, а не к герою. Мы связали это явление с прошлым опытом испытуемых, когда они, будучи членами группы, возможно, избегали разговоров в присутствии начальника или члена партии. Однако инверсия – которая никогда не происходила в американской выборке – также может быть выражением тенденции русских испытуемых распределять свое сочувствие между героями и выступать выражением чувства принадлежности к группе друзей. Это последнее чувство было выражено русскими, когда они изредка высказывали мнение, что герой попытался бы решить ситуацию, если бы эти люди были его близкими друзьями или товарищами, и что ему не нужно сильно беспокоиться, если они просто знакомые.

Перейдем теперь к обсуждению предполагаемых или прогнозируемых *действий*. Одинаковое количество комментариев о возможных решениях было сделано обеими группами (70 и 69), что свидетельствует о сопоставимой степени озабоченности ситуацией. Одинаковое количество испытуемых (20) в каждой группе либо выступало в пользу того, чтобы герой *ничего не делал*, либо подразумевало этот способ как реальную возможность; они рассматривали такой способ либо как логическое следствие его безразличия,

либо чувствовали, что он ничего не мог сделать в данной ситуации в целях получения какой-либо выгоды. У русских герой, который чувствовал, что ничего не может сделать, часто описывается как живущий в состоянии большой напряженности и страха. В обеих группах примерно одинаковое количество комментариев (10 и 9) выражают *ответное* намерение. В большинстве случаев возмездие заключается в том, что человек, в свою очередь, отстраняется от своих друзей; относительно русских эта категория также включает в себя некоторые случаи решительного ответного действия, как, например, когда герой доносит на группу как на подозрительную или – будучи выше по иерархии – выносит выговор тем, кого он поймал за разговорами о нем в уничижительной манере. Однако едва кто-либо из испытуемых в любой группе выскажет свое основное предсказание или рекомендацию в плане возмездия. Небольшая, исключительно «советская» категория – это попытка *избежать* ожидаемой опасности, будь то физически или путем поиска защиты (6 комментариев). Испуганный герой пакует вещи и сбегает, чтобы избежать ареста; или же он может попытаться подкупить мелких чиновников в надежде избежать преследования.

Основная часть комментариев (67% в каждой группе) связана с *прояснением* ситуации. Три четверти испытуемых в каждой группе прямо указывают на желание и возможность выяснить, в чем заключается суть происходящего; 35 русских и 28 американцев делают «выяснение» первой и главной заботой героя. Были упомянуты два основных метода получения информации: прямой и косвенный. *Прямой* состоит в том, чтобы немедленно и прямо спросить группу о том, о чем они говорили, или о том, почему разговор был прекращен, герой открыто выражает свое ощущение, что они могли говорить о нем. В другом варианте он спрашивает их, почему они испытывают неприязнь или недоверие к нему. В *косвенном* подходе герой избегает постановки прямого вопроса группе; чаще всего позже он ищет кого-то из членов группы, с которым он дружит, и просит его рассказать об этом. Иногда он планирует подслушивать или использовать какой-то другой окольный метод. Из 47 комментариев русских в категории «выяснение» 27 (или 57%) предлагают использовать прямой подход; из 44 комментариев американцев только 17 (39%) относятся к этой подкатегории; разница еще более видна, если учесть только ведущие прогнозы или предложения (60% и 32%). Это довольно неожиданное открытие с учетом того факта, что в русском материале содержатся примеры серьезной вины героя в отношении группы, а также в связи с попустительством русских в отношении лжи и уклончивости, которое было продемонстрировано в Эпизоде 3. Иногда испытуемые относят прямой

подход к нормальным условиям, а косвенный – к условиям жизни в Советском Союзе, где они не посмели бы напрямую разобраться в проблеме.

Последняя категория предполагаемых действий относится к *решению проблемы*. Об этом чаще говорят американцы, чем русские (16 и 10 комментариев, 6 и 4 из них являются ведущими решениями), а конкретные методы решения проблемы показывают разницу между этими двумя группами. Русские обычно решают ее, предлагая герою узнать причину проблемы, а затем, если виноват он, все исправить или попросить прощения. Американцы очень часто считают, что герой может исправить ситуацию, анализируя самого себя, а затем пытаясь исправить недостатки, которые он обнаруживает; иногда они указывают на то, что герою не нужно пытаться проверять свои выводы, общаясь с другими, что самосовершенствование – это его собственный проект от начала и до конца. Русские почти не предлагают этот способ действий. Данное различие в методе решения проблемы, вероятно, связано с различием, которое демонстрируют выборки в их представлениях о вине героя. Русские, которые считают, что вина вменена другим, позволяют герою разрешить проблему с помощью межличностного поступка; американцы, которые придерживаются концепции некоторой личной неадекватности, вызывающей неприязнь других, прибегают к более автономной программе самосовершенствования.

Таким образом, в интерпретации этой неоднозначной ситуации русские были более склонны, чем американцы, проецировать в нее личные негативные смыслы. Однако, учитывая тот факт, что в контексте советской системе описываемая ситуация имеет очень угрожающие коннотации и вызывает воспоминания о сильном страхе, различие между этими двумя группами оказалось недостаточно большим, чтобы указать на какие-либо различия в основных эмоциональных установках. С одной стороны, русские более охотно выделяли угрожающие смыслы в ситуации, с другой – они также, казалось, имели некоторое представление о том, что их собственные чувства могут выступать фактором подобной интерпретации; американцы, хотя и были более беспристрастными, предоставили больше примеров того, что они отрицают собственное чувство недоверия, заменяя его интеллектуализацией.

Обе группы не имели различий в соотношении количества экстрапунитивных и интрапунитивных установок, о чем свидетельствует сходное распределение показателей беспокойства о внешней угрозе и собственной вине. Тем не менее, у групп наблюдалось некоторое качественное различие по обоим видам установок. Русские были либо обеспокоены угрозой их безопасности, либо подрывом их отношений с определенной группой

(друзей или коллег), с которыми они себя идентифицировали; они понимали вину как предательство друзей или несправедливость по отношению к ним, и они предлагали восстановление отношений путем разъяснения ситуации с ними и исправления ошибок; они показали определенное предпочтение прямого обращения к группе и открытого обсуждения проблемы. Американцы, казалось, проявляли более размытую озабоченность общественным мнением как таковым, чьей-то неприязнью к ним из-за некоторых нежелательных личных качеств.

Эпизод 5

На заводе, где работает один человек, все работники недовольны из-за увеличения требуемых темпов производства и решают организовать забастовку; но для того, чтобы она достигла успеха, все работники должны принять в ней участие. Однако этот человек считает, что данная жалоба не оправдана, что требуемый уровень не слишком высок. Его друзья просят его присоединиться к ним. Что он будет делать и почему?

А. Уникальные аспекты советской ситуации

Этот эпизод произвел самое большое количество комментариев относительно советских условий: 75 суждений, сделанных 36 испытуемыми. Описанная ситуация была достаточно единообразно обозначена испытуемыми как выходящая за рамки действительности; они считали, что рабочие советского завода не могут собраться вместе и прекратить работать. Главная причина этого – суровое наказание, к которому приведет обвинение в саботаже; 21 испытуемый высказались в таком ключе открыто. Шпионаж и доносительство упоминались в этой связи 13 раз; в половине случаев это приписывалось НКВД, и почти так же часто об этом говорили в общих чертах; тем не менее, двое испытуемых рассматривали такую возможность, что один работник донесет на других.

В Советском Союзе этот человек может даже подумать, что его проверяют провокаторы, и в целях самосохранения он донесет на них.

Эта конкретная интерпретация призвана подчеркнуть и то, насколько фантастической такая просьба будет казаться советскому рабочему, и то, как легко все может быть истолковано как ловушка, приготовленная секретной полицией, чтобы получить что-то от человека. Чаще всего отдельный работник, не разделяющий позицию группы, рассматривается скорее как стахановец, а не

как доносчик; было получено 15 комментариев о стахановцах, которые обычно обсуждались как карьеристы и выскочки, лишённые сочувствия к своим коллегам.

В моем сознании всегда был вопрос, откуда появляются эти стахановцы, эти выскочки...

Если он найдет способ продвинуть свою работу вперед, он не упустит возможности использовать это, и государственная система защитит его – он не представляет опасности.

Его рассматривали бы как выскочку, он подвергался бы осуждению напрямую и за его спиной, но в наших условиях с ним ничего нельзя было бы сделать.

Стахановцы часто упоминались в связи со второй причиной, на которой основывалось мнение, что на советском заводе такая ситуация невозможна, а именно – неизменность нормы работы. Стахановцы воспринимаются как устанавливающие нормы (8 комментариев), и, будучи установленными однажды, нормы не могут быть снижены из-за протеста рабочих.

Когда дается норма, рабочие не обсуждают, можно ли это выполнить или нет, но только то, какими средствами это может быть выполнено.

Невозможно снизить норму; она установлена заранее; вы можете только сократить время.

Из 10 испытуемых, которые обсуждали проблему изменения норматива работы, 8 считали, что любая попытка рабочих снизить норму обречена на провал, не говоря уже о методах, которые могут быть использованы для этого; двое испытуемых считали, что принципиально невозможно снизить норму, по крайней мере, предложенным путем.

Рабочие не имеют права организовывать забастовку, и они этого не сделают. Если норма слишком высока, и если все это выскажут, комиссия проведем проверку – сделает расчеты и снизит норму.

Практически во всех обсуждениях подразумевается, что рабочая ситуация – это вопрос между рабочим и государством. Кроме того, несколько испытуемых (7) прямо высказывают это. Некоторые из них описывают государственную пропаганду, преследующую эту цель, которая использует, например, опасность окружения иностранными державами в качестве стимула для повышения производства; или они подчеркивают необходимость того, чтобы работник учитывал интересы народа, поскольку на него может повлиять забастовка. Один испытуемый считает, что действия рабочих при любых обстоятельствах будут определяться характером их отношения к государству. Это – необычное утверждение, в котором говорится о большей свободе для рабочего действовать на основе его чувств и убеждений, чем, по мнению большинства, было бы совместимо с его безопасностью. Приведенная ниже цитата является типичной реакцией русской выборки на данную ситуацию.

Подобная ситуация не могла произойти на советском производстве. Ты не сможешь этого сделать. Они никогда не будут разговаривать об этом. Всех обвинят в саботаже, все будут привлечены к суду и расстреляны... Даже мысль о том, чтобы собраться вместе, была бы невозможна.

Б. Мотивационный анализ

Этот эпизод изображает четкий конфликт между человеком и группой, членом которой он является. Хотя русские часто отвергали конкретное содержание ситуации как невозможной в Советском Союзе, тем не менее они продемонстрировали сильное участие в данной проблеме. Это отражено в их оценках «общей эмпатии», которые учитывают степень сочувствия к каждой из двух сторон.

Категория «сильное сочувствие» включает всех тех испытуемых, которые полностью сочувствуют обеим сторонам, и тех, кто полностью сопереживает одной, слабо – другой; в эту категорию попали 24 русских и 12 американцев. «Средняя эмпатия» относится к случаям полного сочувствия только одному герою или слабой к обеим сторонам (19 русских, 33 американца); эмпатия «слабая» у тех, кто не сочувствует ни одной из сторон, либо слабо какой-то одной (7 русских, 5 американцев). Таким образом, общий показатель сопереживания героям этого эпизода у русских сильнее, чем у американцев. Если объединить «среднюю» и «слабую» категории в одну, различие между группами достоверно при уровне значимости 0,05.

Прежде чем рассматривать показатели эмпатии в обеих группах, мы обсудим предсказанные *результаты* конфликта. Поскольку русские часто

заявляли, что вся ситуация нереалистична в советской системе, они иногда отказывались предсказывать результат; в 12 русских и в 3 американских случаях результат был классифицирован как неопределенный. Чтобы оценить выводы о результатах ситуации, мы должны рассмотреть различия в восприятии двумя группами *внешних источников власти* в ситуации. Для русских таковым является только один – режим, который в данном конфликте откровенно встает на сторону группы. Для американцев существует два источника: менеджмент и профсоюзы, первый из которых рассматривается как потенциальный источник поддержки для рабочего, второй – для группы. Профсоюзы упоминались американцами в этом смысле более часто и подчеркнута, чем руководство. Таким образом, в той мере, в какой русские комментарии о ходе конфликта основывались на советских условиях (что верно не во всех случаях), все шансы – не в пользу группы, что не соответствует американскому восприятию ситуации. Исходя из этих властных раскладок, можно было ожидать, что герой будет чаще выигрывать в предсказаниях русских, чем американцев. Результаты, однако, не подтверждают этого ожидания. Прогнозы этих двух выборок показывают небольшую разницу; обе предпочитают группу чаще, чем героя (у русских распределение прогнозов – 27 к 12, у американцев – 31 к 17), и эта тенденция находится в направлении, противоположном ожидаемому.

Мы должны предположить, что, помимо любого внешнего давления, русские придают большее значение группе как таковой, по отношению к ее членам, как с точки зрения власти, так и с точки зрения какой-то другой личностной важности для человека. У нас есть четыре показателя, с помощью которых данная гипотеза может быть проверена и детализирована: (а) взаимосвязь категорий «согласия» и «перетягивания на свою сторону», используемых при описании результатов, (б) данные о распределении эмпатии, (в) общая оценка позиции индивида и группы, и (г) конкретные мотивы, приписываемые индивиду в ситуации.

Хотя большинство русских и американцев предсказывают результат в пользу группы, есть выраженное различие в их восприятии путей достижения этого результата: у русских преобладает *согласие*, «перетягивание на свою сторону» у американцев. В общем, в данном эпизоде отношение «перетягивания» к «согласию» намного выше у американцев (их показатель – 42 к 6, у русских – 23 к 16), что предполагает, что русские признают существование большей гармонии между героями.

Они демонстрируют более равномерное распределение показателей эмпатии между героями, чем американцы: 25 русских и 14 американцев

сочувствовали как рабочему, так и группе, в то время как остальные в каждой выборке соперевживали кому-то одному или ни одному из них. Это различие достоверно при уровне значимости 0,05. Большинство испытуемых обеих групп соперевживали отдельному работнику, который является главным действующим лицом этого эпизода, но американцы делали это еще чаще, чем русские: 9 русских и только 1 американец не сочувствовали герою. С другой стороны, русские сочувствовали группе в два раза чаще, чем американцы (31 русский, 15 американцев), различие достоверно при уровне значимости 0,01. Объединив эти данные, мы видим, что русские сочувствовали группе лишь немного реже, чем индивиду; среди американцев эмпатия к индивиду была более чем в три раза чаще, чем к группе.

Обращаясь к *оценке*, мы обнаруживаем, что русские указывают причины одобрения позиции работника лишь наполовину так же часто, как и американцы (15 русских, 29 американцев). С другой стороны, русские одобряют позицию группы почти в четыре раза чаще, чем американцы (36 русских, 8 американцев).

Рассмотрение относительной оценки позиции группы и индивида каждым испытуемым подтверждает эти результаты: 31 русский и 5 американцев считают более правильной позицию группы, чем индивида. Русские также имеют более равномерное распределение показателей «правильности»: 9 русских и 4 американца считают, что некоторая степень правоты присутствует на стороне группы; из этого числа 4 русских и 2 американца считают позиции правильными и у группы, и у индивида. Русские в этом эпизоде также более открыты в своих оценках и реже, чем американцы, воздерживаются от оценок (8 русских, 17 американцев). Очевидно, что описанная ситуация включает в себя личные ценности, к которым они чувствуют определенную привязанность.

Исследование *мотивов* в данном эпизоде осуществляется наиболее легко, подразделяя мотивы индивида на те, которые заставляют его сопротивляться или уступать желаниям группы. Русские сделали 148 комментариев, американцы – в общей сложности 134. Мы представим результаты с точки зрения всех упоминаний отдельного мотива, независимо от того, какой акцент сделан на него испытуемым, и укажем мотивы, которые были одобрены или отклонены испытуемыми. Отдельное рассмотрение ведущих, подчеркиваемых мотивов не изменяет картину.

Таблица 10 четко показывает, что для русских основные мотивы сопротивления группе вызваны внешней угрозой, т.е. они фактически не имеют связи с отношениями с группой. Из оставшихся мотивов более половины – мотивы, где испытуемые в основном не одобряют, т.е. личная выгода и

отсутствие желания удовлетворить потребности других (в этом контексте упоминаются стахановцы). Для американцев основным мотивом является самоутверждение личности, которое преимущественно одобряется как позиция собственного достоинства для честного поведения, собственных суждений или полноценного осуществления своих способностей. При объединении мотивов 72% всех мотивов сопротивления группе, упомянутых американцами, попадают в категории (1 и 2), которые мировоззренчески одобрены ими; только 20% мотивов, упомянутых русскими, попадают в группу одобренных мотивов.

Таблица 10

Мотивы сопротивления группе у рабочего

Мотивы	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Долг, приверженность к производству, послушание	10 (11%)	15 (25%)
Личное убеждение, честь	8 (9%)	28 (47%)
Упорство, самоволие	1 (1%)	5 (8%)
Отсутствие желания удовлетворить потребностей других	11 (12%)	6 (10%)
Личная выгода	12 (13%)	4 (7%)
Страх репрессий со стороны начальства	20 (24%)	2 (3%)
Бесполезность группового плана	26 (30%)	--
Всего	88 (100%)	60 (100%)

Различия в мотивах уступки группе (таблица 11) еще более поразительны, чем различия в мотивах сопротивления. Основная часть мотивов у русских (70%) относится к категориям, которые выражают идентификацию или положительное отношение к группе либо по факту, либо эмоционально. Испытуемые либо просто указывают на большинство, для которого важны дело или норма работы, либо говорят о позиции и потребностях тех членов группы, которые не могут выполнить норму, или в некоторых случаях просто поддаются чувствам группы и заявляют, что нормы слишком высоки, игнорируя позицию индивида в эпизоде. Формулировки, выбранные

испытуемыми, в большинстве случаев не оставляют сомнений в том, что они полностью согласны с этими мотивами, хотя мало кто их обсуждает в конкретных мировоззренческих терминах. Ниже приведены некоторые репрезентативные цитаты:

Он должен присоединиться к группе. Ведь именно большинство обращается к нему. Он единственный, кто чувствует, что возможно выполнить норму, вероятно, у других нет физической способности выдержать это.

Если бы это был я, я бы уступил большинству товарищей, из таких соображений: их большинство, почему бы не согласиться.

[Если он не может дотянуть их до своего уровня], он должен согласиться, чтобы размер заработной платы других не был снижен по его вине.

В нормальных условиях, конечно, он уступил бы воле рабочих: чувство общности, товарищества очень сильное.

Таблица 11

Мотивы уступки группе у рабочего

Мотивы	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Большинство всегда решает	18 (30%)	7 (9%)
Приверженность группе, дружба, симпатия	24 (40%)	5 (7%)
Социальное давление, страх изоляции или враждебности	9 (15%)	26 (35%)
Бесполезность сопротивления (власть профсоюзов)	--	15 (20%)
Страх репрессий со стороны группы	4 (7%)	10 (14%)
Личная выгода	5 (8%)	11 (15%)
Всего	60 (100%)	74 (100%)

В американской группе большинство мотивов (69%) попадают в категории (3, 4, 5), которые выражают негативную и неодобрительную зависимость от группы: в основном конфликтный страх отчуждения и изоляции, а иногда и прямой страх физического возмездия. Это единственные данные среди всех эпизодов, в которых американская группа превосходит русских в показателях мотивации страха. Установка американцев к этим мотивам в основном нейтральная: они даются в описательных терминах, скорее, как объяснения, а не как обоснования решений героя. Однако всякий раз, когда оценка выражается, она всегда отрицательная, осуждающая эти мотивы как указание на личную слабость и отсутствие собственного достоинства. Это говорит о том, что нейтральное описание может также охватывать негативные или амбивалентные и противоречивые отношения. Для многих характерны следующие цитаты:

Речь идет о человеческой чести... если он считает, что это неправильно, и не принимает этого, он не будет так поступать. Но черт возьми, под социальным давлением он, вероятно, поддастся. Это тот случай, когда один против всех.

Он не хочет ссориться со своими коллегами, и он также не хочет конфликтовать с компанией. Другие люди, возможно, живут по-другому, думают по-другому и действуют иначе, чем он, и его отношения с ними сильно напряжены... Он, в конце концов, согласится с ними, я думаю ... он, вероятно, недостаточно силен, чтобы быть независимым.

Это типичные, а не самые категоричные выражения такого рода. Для американцев, как представляется, группа является безличной принудительную силой, от которой зависит герой, но частью которой он не является. Русские иногда могут мировоззренчески превозносить «коллектив», но гораздо чаще они, похоже, думают о группе как о людях, с которыми они связаны, чьи проблемы они разделяют, и с которыми они могут легко достичь понимания. В случае разногласий они не ожидают такого разрушения отношений, как американцы, и проявляют меньше беспокойства по поводу последствий. (Интересно отметить, что те из русских испытуемых, которые получили низкие баллы по «авторитаризму», по результатам прохождения Калифорнийских проективных опросников, показывают более сильную идентификацию с группой, чем те, которые получили высокие баллы, а в американской группе это соотношение выглядит обратным образом).

Таким образом, данный эпизод показывает наиболее четкие различия между этими двумя группами. Чувства русских касательно взаимоотношений индивида и группы настолько показательны, что их можно легко установить под искажающим влиянием особых советских условий. Они сочувствуют группе гораздо сильнее, чем американцы, и сочувствуют гораздо более подлинным и позитивным образом. Американцы считают, что группа выступает принудительной силой, которая нападает на человека и лишает его силы и достоинства: либо угрозой, либо страхом изоляции и отвержения у самого индивида. Американцы прямо утверждают, что человек выступает против группы, в то время как русские признают принадлежность к группе как на эмоциональной, так и на мировоззренческой основе.

Выводы и обсуждение результатов

Данное исследование обращается к стилям и моделям межличностных отношений среди русских перемещенных граждан, что определялось полупроективной методикой обсуждения вымышленных межличностных «Эпизодов» и сопоставления ответов русских и равноценной американской выборки. Пять эпизодов касались внесемейных ситуаций, в основном тех, которые возникают в контексте работы. Спонтанные отсылки к *советским условиям*, сделанные русскими испытуемыми, наглядно изображают повседневную жизнь в условиях тоталитарного режима, причем каждый эпизод подчеркивает различные аспекты, несмотря на достаточное совпадение. Эпизод, касающийся забастовки (Эпизод 5), показывает невозможность для рабочих организовать или каким-либо образом повлиять на установление норм работы. Эпизод, который сфокусирован на тяжелом положении бригадира (Эпизод 1), отмечает судебное преследование за неудачу в работе и описывает процессы разрешения трудностей, использующиеся в промышленной среде, с большим упором на убеждение и локализацию вины. Инцидент, связанный с конфликтом рабочего и бригадира (Эпизод 3), описывает некоторые положительные особенности производственной организации, а именно предоставление рабочим возможности серьезно изучить их технические предложения с экспертами, минуя их непосредственное начальство; однако преимущества прямой линии связи с высшим руководством перевешиваются напряженностью и препятствиями, создаваемыми жалобами и отчетностью, и эта инициатива тормозится из-за больших рисков, связанных с ответственностью за любые нововведения. Опасность ответственности является центральной темой эпизода, связанного с написанием рекомендации другу (Эпизод 3), с необходимостью использовать неформальные и незаконные

способы достижения цели, дополняющие общую ситуацию. Тема всеобщего надзора и доносительства проходит нитью через обсуждения всех эпизодов, но последнее особенно подчеркивается в ситуации, касающейся неразговорчивости, которую человек наблюдает у своих друзей (Эпизод 4). Три «производственных» эпизода являются самыми результативными по комментариям, касающимся советских условий, но во всех пяти эпизодах каждый второй среди русских испытуемых видит такие факторы в ситуации, которые сильно отличаются от таковых в обсуждениях американцев.

Если попытаться сформулировать *центральную тему* обсуждений советских условий в данных 5 эпизодах, то можно считать, что ею является опасность для человека, возникающая в различных ситуациях работы и жизни, потому что данные ситуации рассматриваются режимом как имеющее политический смысл: любые частные действия отдельных лиц, будь то преднамеренные или непреднамеренные, могут быть истолкованы как самовольный подрыв режима, и, как таковые, строго наказываются.

Репрессивные аспекты советской жизни, порождающие страх, входили как движущие факторы в обсуждение всех эпизодов со стороны русских испытуемых; страх и недоверие, которые они вызывали, имели тенденцию исказить или затмевать внутреннюю межличностную мотивацию герою. В производственных эпизодах только малая часть русских испытуемых смогла рассмотреть и решить межличностный конфликт без упоминания постоянно присутствующего третьего участника: руководства, партии или НКВД, в качестве представителей угрозы и принуждения от режима. Это соответствовало лишь в несколько меньшей степени для двух нерабочих ситуаций: характер обоих из них таков, что связь с практиками режима была легко установлена русскими. В трех производственных ситуациях присутствовало некоторое различие в той легкости, с которой ориентированная на режим мотивация была отделена от межличностной в чувствах испытуемого; наиболее легко это было сделать, когда ни один из участников не имел официальных полномочий (Эпизод 5), и труднее, когда один из них обладал властью (Эпизод 2), и почти невозможно, когда представителем власти в эпизоде был единственный герой (Эпизод 1).

Если спонтанные упоминания приведенных выше советских факторов можно считать действительными отражениями реальности, мы должны сделать вывод о том, что во внесемейных и особенно в рабочих ситуациях, небольшое количество личных взаимодействий кажется невосприимчивым к влияниям и угрозам режима, и что эти влияния становятся очень сильными, когда

некоторые из людей, вовлеченных во взаимодействие, обладают определенной степенью официальной власти.

Обращаясь к выводам относительно *мотивационных тенденций*, интересно отметить, что наиболее четкие различия между русскими и американскими испытуемыми – это *не те*, которые могут быть объяснены различиями в контексте ситуации, воспринимаемой двумя выборками. Данные явные различия проявляются в Эпизоде 5, в котором рассматривается конфликт между отдельным работником и группой равных ему, группой, частью которой он является. В этом эпизоде практически все сравнения соответствующих переменных показывали различия между выборками, которые были статистически значимыми и дополнялись психологически непротиворечивой и осмысленной картиной. Большинство русских проявляло стойкое *чувство принадлежности* к группе, понимание потребностей и чувств других людей и высокую положительную оценку этой принадлежности, как эмоциональной, так и мировоззренческой. По сравнению с американцами они не проявляли сильного чувства слабости или беспомощности по отношению к группе или не слишком беспокоились о потере или разрушении отношений, т.е. казалось, что у них была определенная степень уверенности в себе и группе. Они не переживали уступки группе как потерю личной свободы, как это делали американцы. Если обобщить результаты данного эпизода, можно сказать, что, по сравнению с американцами, русские не чувствуют себя вынужденными защищать свою индивидуальное достоинство от группы. Дилемма, с которой американцы боролись в этом эпизоде – будь то сохранить свою личное достоинство и быть изолированным, или уступить группе ради принадлежности к ней, – не казалась такой значительной для русских.

Другие эпизоды, особенно те, в которых участвуют равные герои, предоставляют некоторые подтверждающие доказательства этого обобщения. Обсуждая конфликт между личной честью и дружбой (Эпизод 3), американцы сделали определенный, хотя и несколько непростой, выбор в пользу чести; у выходцев из СССР ситуация была размыта насущной необходимостью самозащиты, но были некоторые признаки того, что в отсутствие угрозы дружба может чаще перевешивать честь и, возможно, с меньшей вероятностью конфликта, чем это наблюдается у американцев. В неоднозначной ситуации, когда герой исключен из группового разговора (эпизод 4), русские, вспоминая свой советский опыт, чаще видят в ситуации личные и угрожающие осложнения, чем американцы; однако они указывали на свое чувство принадлежности к группе в случайных инверсиях идентификации и в стремлении увидеть угрозу как исходящую не от группы как таковой. Когда

они воспринимали ситуацию как подрыв отношений между индивидом и группой, они были готовы переложить незначительную или даже большую вину – предательство – на индивида, но они проявляли меньше беспокойства отстранением от группы из-за личной неприязни, чем это наблюдалось у американцев. Они предпочли обращение ко всей группе и быть открытыми в поисках разъяснений и были менее склонными, чем американцы, исправлять ситуацию путем самоанализа и самосовершенствования, проводимых в стороне от других.

Показатели сильной принадлежности русских к их окружающей среде можно почерпнуть также из эпизодов, которые не сосредоточены на отношениях между равными. В данной серии эпизодов, как и в той, которая касалась семейных ситуаций, русские не проявляли сильную тенденцию сосредоточивать свой интерес на личности главного героя, а также ярко воссоздавать чувства и мотивы других участников, как это демонстрировали американцы. Эта тенденция отражается в их более сильной или более спонтанно выраженной «полной эмпатии» к героям, и особенно в более высоких соотношениях эмпатии между ними. Кроме того, всякий раз, когда оба героя изображаются в эпизоде как находящиеся в конфликте, у русских распределение положительных и отрицательных оценок между ними получалось более равномерным, чем у американцев.

Одним из факторов, порождающих данное различие, может быть склонность русских не чувствовать себя слишком связанными явными или подразумеваемыми инструкциями к тесту; они казались менее принужденными, чем американцы, ограничивать их обсуждение тем героем, чья позиция была подчеркнута в формулировке эпизода и в первом вопросе интервьюера. Это положение не может быть доказано по нашим данным, но это предположение согласуется с опытом всех интервьюеров из Гарвардского проекта, которые считали необходимым разработать специальные методы, чтобы русские респонденты смогли проанализировать темы, которые они пытались исследовать. Тем не менее, остается существенным, что, предположительно, следуя своим собственным наклонностям в более свободной манере, чем американцы, русские включали позицию второго героя в тот список тем, о которых они хотели говорить; и по-прежнему стоит попытаться объяснить это предпочтение с точки зрения их межличностных установок. Мы предполагаем, чтобы более высокие показатели эмпатии можно рассматривать как еще одно выражение сильной связи личности с другими, что было показано в Эпизоде 5. Не чувствуя большой угрозы со стороны других и рассматривая их с точки зрения положительного удовлетворения желаний, человек свободен и сильно

мотивирован воспринимать других в своей уникальности и индивидуальности и реагировать на них различными эмоциональными способами.

В особой области *отношения к власти* мы нашли меньше мировоззренческих и мотивационных различий между двумя группами, чем в области межличностных отношений в целом. Что касается крайних проявлений авторитарной установки, пропагандирующей беспрекословное повиновение начальству, не было никаких различий между выборками. Некоторые из русских испытуемых, придерживавшихся такого мнения, использовали более сильные выражения, чем американцы, но их охват в обеих группах был одинаково низким. Обсуждая конфликт рабочего и бригадира, американцы, проявляя меньше интереса к бригадиру как к человеку, на самом деле склонны оправдывать его позицию в большей степени, чем русские. Рассказывая о действиях начальника, который находился под давлением, русские приписывали ему гораздо более дисциплинарное поведение, чем американцы, но они не проявляли личной идентификации с этими действиями, рассматривая их в основном как реакцию на угрозу сверху. Что касается данных из этих эпизодов, то русские не показали ни большей идеализации представителей власти, ни личного предпочтения авторитарного или манипулятивного стиля поведения, чем американцы.

Более выраженными являются различия в восприятии чувств и действий подчиненных. И русские, и американцы приписывают им примерно одинаковый уровень чувств, выражающих подлинную самооценку. Тем не менее, русские проявили большую уступчивость авторитету, которая была в значительной степени мотивирована страхом, и отсутствие открытого личного самоутверждения и мятежности, которые американцы продемонстрировали в нескольких ситуациях. Эти различия в подходах не приводили к такой же разнице в поведении и прогнозируемых результатах, как следовало ожидать, отчасти потому, что в мятежном настроении американцев была какая-то двойственность. Это было особенно поразительно в эпизоде с участием группы, которую американцы, казалось, испытывали как угрожающую и насильственную власть, но которой они уступали чаще, несмотря на внутренний протест. Тем не менее, остается фактом, что американцы часто были готовы открыто противостоять действительной власти, в то время как русские, не принимая или оправдывая ее в большей степени, склонны либо уступать ей в страхе, либо пытаться найти безопасные способы ее избегания.

Мы не будем пытаться решить, в какой степени более сильная мотивация страха, проявленная русскими в «эпизодах», является прямым следствием их отличающейся интерпретации ситуации и в какой степени она является или

стала постоянным личностным фактором, и определяет их поведение по отношению к авторитету. Если мы примем последнее, мы должны ожидать, что русские будут всегда более послушными, чем американцы, в отношении репрессивной власти. Однако было бы неоправданно делать вывод о том, что лично и внутренне они более зависимы от проблемы власти, чем американцы: и склонность к страху русских, и мятежность американцев могут быть в равной степени восприняты как признаки такой зависимости. С другой стороны, ни одна из этих характеристик не является показателем специфически авторитарной структуры личности: подчинение, основанное на сознательном страхе, не сильно отличается от откровенной мятежности. Данные эпизодов не дают никаких материалов, которые бы указывали на большую частоту авторитарных черт характера в одной или в другой национальной группе.

Оценивая результаты этого исследования, мы должны учитывать, что материал, предоставленный методикой «эпизодов», относится не только к бессознательным фантазиям и глубоко подавленным чувствам, поэтому данное исследование не является вкладом в «глубинную психологию» русских. Также наши данные не дают достаточных оснований для формулирования гипотетического хода развития личности у русских и концепции влияющих на нее факторов. Значение этого исследования заключается в описании личностных взаимодействий и мотивов, лежащих в их основе, которые воспринимаются и оцениваются в основном самими испытуемыми, т.е. данное исследование является вкладом в описание, а не в объяснение генезиса «русской личности».

В заключение мы хотели бы напомнить читателям, что те различия, которые возникли между двумя национальными группами и на которых мы основываем наши обобщения, являются вопросами степени выраженности и часто незначительной степени. Более того, хотя наших данных недостаточно для доказательства этого тезиса, никакие различия не являются очевидными в таких существенных личностных факторах, как уровень агрессии или привязанности, или экстра-и интрапунитивности, несмотря на некоторые наши поиски. Эти ограниченные результаты, основанные на тщательном сравнении данных, полученных относительно контролируемым образом, могут служить индикатором степени и количества межгрупповых различий, которые возникают при изучении различных «национальных характеров». Они могут служить полезным «противоядием» для борьбы с тенденцией спешного наброска подобных закономерностей экстраординарными и нереалистично преувеличенными способами. С точки зрения практических применений, значимый контекст подобных чувств и взглядов, разделяемых исследуемыми

национальными группами, сам по себе должен быть обнадеживающим: нет оснований полагать, что любое понимание друг друга двумя странами становится невозможным с помощью какого-то решающего различия в характере самих людей, что будто бы делает их разными видами. Однако это соображение не является основанием для отрицания или минимизации тех немногих реальных различий, которые возникают на этом фоне сходства, поскольку существование различий как таковых не должно быть препятствием для взаимопонимания. Возможно, мы сможем извлечь некоторую поддержку из того факта, что те отличительные характеристики русских, наиболее четко проявившиеся в настоящем исследовании, могут скорее способствовать, чем препятствовать установлению межличностных контактов, несмотря на давление, осуществляемое тоталитарным государством.